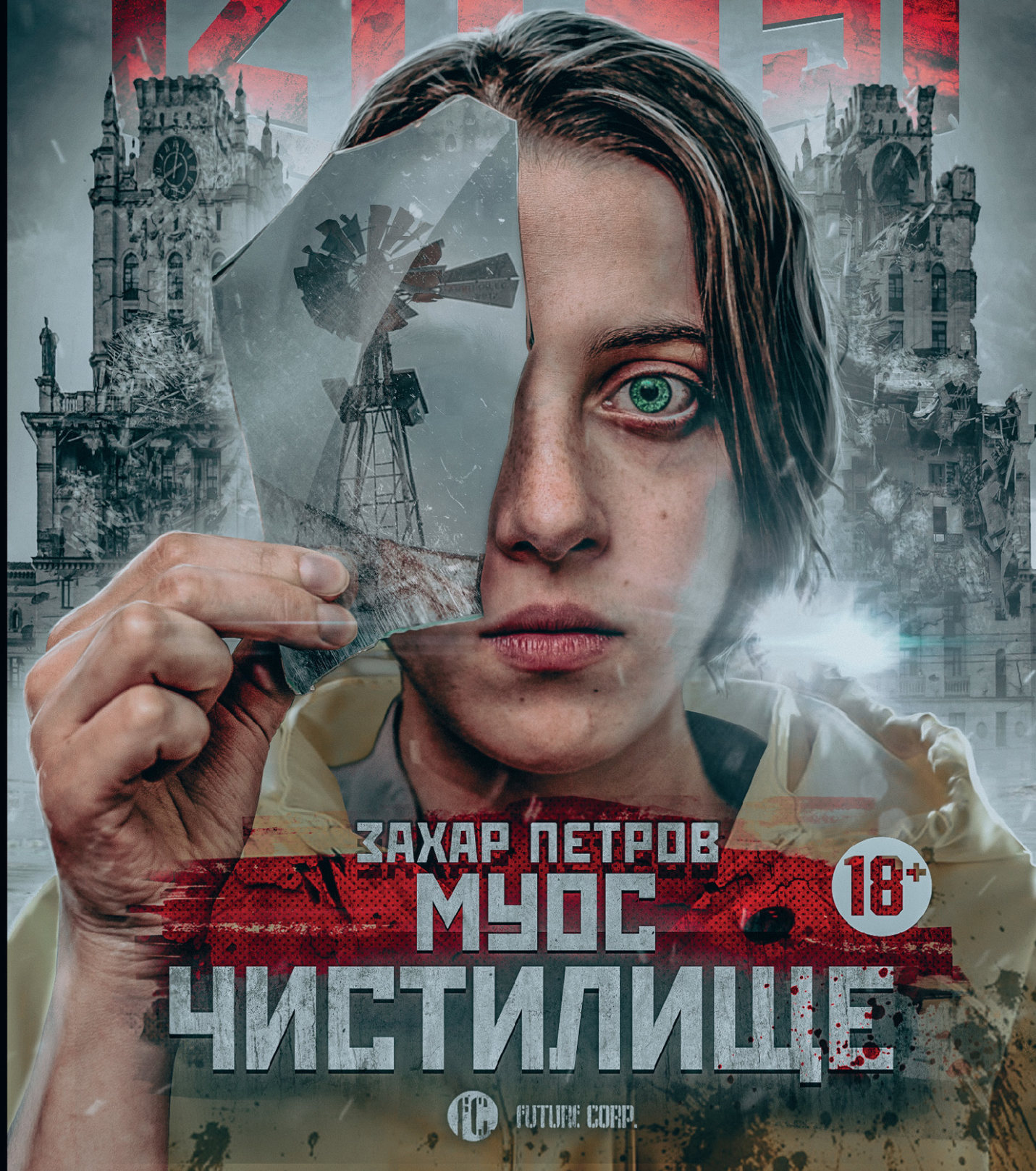

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
ДИМЕТРОС
КЛАЗЕ

ЗАХАР ПЕТРОВ

МУДС

18+

ЧИСТИЛИЩЕ

FUTURE CORP.

Метро

Захар Петров

Метро 2035: Муос. Чистилище

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Петров З.

Метро 2035: Муос. Чистилище / З. Петров — «Издательство АСТ», 2018 — (Метро)

ISBN 978-5-17-112449-6

Муос – подземелья разрушенного Минска. В течение десятилетий люди этой вселенной в отчаянной агонии вели битву на выживание. Мутанты, хищники, болезни, голод, радиация и непрекращающиеся войны превратили жизнь спасшихся в ад. Казалось, история уже считает дни, когда хомо сапиенс перестанет существовать как самостоятельный вид, став придатком напавших на него паразитов. Но когда Муос был на краю пропасти, его людям был дан ещё один шанс. Из ниоткуда к ним пришёл Присланный, который повёл их на Последний Бой. Сплочённая армия ставшего единым народа в чудовищной схватке вырвала из кровавого оскала смерти право на жизнь... или, может быть, только отсрочку. Но после победы люди поняли, что дыхание смерти не ослабло. Оно яростным смерчем налетело на тлеющую в подземельях жизнь. Враги не ушли, они берут реванш. И самый страшный среди врагов Человека – это он сам... Книга содержит ненормативную лексику

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112449-6

© Петров З., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Пролог	6
I	7
1	7
2	9
3	11
4	22
5	24
6	26
7	28
8	30
II	32
1	32
2	34
3	36
4	38
5	41
6	44
7	45
III	47
1	47
2	49
3	52
4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Захар Петров
Метро 2035
Муос
Чистилище

Автор идеи – Дмитрий Глуховский

Главный редактор проекта – Вячеслав Бакулин

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2035

Серия «Вселенная метро 2035»

© Глуховский Д. А., 2018

© Петров. З., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Дай Бог, чтобы все здесь написанное осталось фантастикой.

Пролог

Последняя Мировая война стерла с лица земли человечество и все созданное им за тысячелетия. Руины городов, как никому не нужные мемориалы в память канувшей в лету цивилизации, уныло вздымались над дебрями мутировавшей растительности. И лишь ничтожной части многомиллиардного населения планеты удалось укрыться в подземельях рухнувших мегаполисов. Однако выжившие порой завидовали тем, кто погиб в ядерной вспышке. Некогда покоренная Природа восстала на загнанного в угол человека, мстя ему за тысячи лет глумлений над собой.

Муос – подземелья разрушенного Минска. В течение десятилетий люди этой вселенной в отчаянной агонии вели битву за право выжить. Мутанты, хищники, болезни, голод, радиация, непрекращающиеся войны превратили жизнь спасшихся в ад. Казалось, история уже считает дни, когда хомо сапиенс перестанет существовать как самостоятельный вид, став придатком напавших на него паразитов. Но когда Муос был на краю пропасти, его людям был дан еще один шанс. Из ниоткуда к ним пришел Присланный, который повел их на Последний Бой. Сплоченная армия ставшего единым народа в чудовищной схватке вырвала из кровавого оскала смерти право на жизнь... или, может быть, только отсрочку.

Но после Победы люди поняли, что дыхание смерти не ослабло. Оно яростным смерчем налетело на тлеющую в подземельях жизнь. Враги не ушли, они берут реванш. И самый страшный среди врагов Человека – это он сам...

I

Вера

1

– Папа, а расскажи про Поверхность, как ты маму спасал.

– Верочка, тебе мама много раз рассказывала, а я это вспоминать не очень люблю. Подрастешь – сама увидишь свою Поверхность: выучишься на ученого и пойдешь ее исследовать вдоль и поперек. Или вот Костик уже совсем скоро сталкером станет, ему уже пятнадцать почти. Будет выходить и тебе все рассказывать.

– Не-а. Костик сразу женится, непонятно, что ли? Он уже с Лилькой своей целуется и дни считает, когда жениться можно будет, я сама слышала. Он с Лилькой будет жить. И ей все рассказывать будет. А со мной он и сейчас разговаривать не хочет.

– О чем с такой бестолковой вредной козявкой разговаривать? Тебе в самую пору с Надькой общаться, – улыбаясь, отозвался Костя.

Вера тут же задиристо выпалила:

– Сам ты козявка бестолковая. А Надька еще и разговаривать толком не умеет.

Отец бросил на Константина недовольный взгляд, но ничего не сказал. Вера поджала губки и скорчила капризную гримасу, сделав вид, что обиделась.

* * *

Их поселок был расположен в подземном хранилище огромного банка. Изрядно побитая ядерным ударом и временем вывеска на обезлюдившей улице гласила: «МегаБанк». Массивное строение на юго-западе столицы – одна из задумок последнего президента Беларуси. МегаБанк должен был стать финансовым оплотом страны в условиях надвигающейся угрозы. Никто не думал, что Последняя Мировая сотрет в прах цивилизацию, а золотой запас, валютная наличность и другие ценности перестанут что-то значить для тех, кто выживет.

Но постройка этого финансового монстра была лишь маленькой частью грандиозного проекта, воплощение которого было начато последним президентом обреченной страны. Под предлогом расширения подземной инфраструктуры и недопущения разрастания столицы вширь последние годы под Минском строился второй город, который по задумке должен был укрыть все население мегаполиса от кратковременной и не очень сильной атомной атаки. Планировалось создать уникальную многоуровневую систему подземных убежищ, складов, лазаретов, мастерских, хранилищ, гаражей, соединенных ходами и туннелями, оборудованной системами вентиляции и дренажа грунтовых вод. Этими работами руководило отдельное секретное ведомство, названное Минским Управлением Оборонных Сооружений. Но, погрязнув в бюрократии, воровстве, тендерных злоупотреблениях, МУОС не справился со своей задачей, и когда проревели сирены, далеко не все смогли укрыться под землей. А те, кому посчастливилось или, наоборот, не посчастливилось спуститься, оказались в не готовых принять даже такое количество людей подземных пустотах, большинство из которых даже с оговорками нельзя было назвать убежищами. Проект подземного города не был воплощен в жизнь и наполовину, хотя официальные отчеты ввали об обратном. Большая часть туннелей и ходов, находившихся вне веток метро, либо не была достроена, либо обвалилась от вызванных ядерными взрывами тектонических ударов. Поэтому подземелья превратились в сложный лабиринт похлеще Мамонтовых пещер, точную географию которого толком не знал никто. Но выжившие воспри-

нимали действительность такой, какая она есть, и не догадывались, каким их убежище должно было быть на самом деле. Что значит аббревиатура «МУОС», давно забыли, и слово «Муос» стало самоназванием их подземного мира. В день Последней Мировой люди, сбежавшие под землю, оказались в совершенно неведомом для них мире, главным образом сгрудившись на станциях метро и в крупных бункерах, не догадываясь об истинных размерах Муоса. Но год за годом сталкеры, диггеры, беженцы и просто отчаянные головы исследовали подземелья, находя все новые места для жизни. Так, через многие годы после спуска под землю группой сталкеров был найден вход в МегаБанк, и вскоре власти Республики направили сюда людей для обустройства этого удобного поселения.

К тому моменту, когда в окрестностях Минска в одночасье выросли ядерные грибы, МегаБанк уже успели достроить, даже завезли сюда офисную мебель, оргтехнику и канцелярские товары, но подземные хранилища пока что оставались пустыми. А теперь они стали прекрасным убежищем для трех десятков человек. По меркам Муоса жизнь в поселке была спокойной и относительно безопасной. Метровые железобетонные стены делали МегаБанк непреступной крепостью, попасть в которую можно было только через тамбур с тремя толстыми металлическими дверьми. Одна дверь вела наверх – в само здание бывшего банка. Вторая – в короткий туннель, сливавшийся с другими подземными коммуникациями Муоса. Через третью дверь входили в холл – так мегабанковцы называли самое большое помещение своего поселка. По двум сторонам от холла располагались помещения поменьше: теперь это были квартиры, кладовые и мастерские жителей МегаБанка.

Картофельное поле мегабанковцев – распаханый ими же мертвый сквер – находилось рядом с выдержавшим ядерным удар строением банка, то есть почти возле их дома. Это позволяло быстро скрыться при появлении редких хищников, которым чудом удавалось пересечь добротное ограждение их поля. Эта часть города была сильно удалена от мест падения боеголовок, поэтому уровень радиации не был столь высок и не убивал так быстро, как на других сельхозугодиях. Взрослые мегабанковцы, одевшись в прорезиненные костюмы, два раза в день выбегали из здания МегаБанка, рассыпались по полю, в течение трех часов обрабатывали его или собирали урожай и возвращались домой. Они научились это делать быстро и слаженно. За трехчасовую вылазку никто не позволял себе передохнуть ни секунды, но больше трех часов на поле они не задерживались. Такой «щадящий» режим выхода на Поверхность давал мегабанковцам надежду не «схватить» летальную дозу и дожить хотя бы до сорока.

Вылазки на Поверхность входили в обязанность всего взрослого населения, за исключением отца Веры, ветерана Великого Боя, Владимира Пруднича. Потому что он был инвалидом: во время сечи с ленточниками он потерял руку и ногу. И потому что он был администратором их поселка, входящего в Республику. А последнее время еще и потому, что он был одиноким отцом троих детей: пятнадцатилетнего Кости, десятилетней Веры и маленькой Надежды, которой недавно исполнилось два года. Их мать погибла четыре месяца назад.

2

Анастасия Пруднич ушла собирать слизней и не вернулась. Слизневый питомник находился недалеко, поэтому мегабанковцы не боялись ходить туда по одному. После недолгих поисков ее тело нашли в коллекторе. Кто-то ее изрешетил ножом, оставив свое оружие со странной рукояткой в теле убитой.

Еще день они ждали следователя, а труп оставался на том же месте: Уголовный Закон Республики запрещал нарушать обстановку места преступления до прихода следователя. Работы отменили, возле тела выставили охрану.

В семьях Муоса превалировало средневековое грубое отношение к женщинам. Но стареющий Пруднич относился к своей Анастасии с каким-то неестественным для подземелий трепетом, категорически отказавшись от второй жены. После Великого Боя, сократившего мужское население Муоса почти наполовину, Законом Республики сроком на двадцать лет было введено многоженство. А для управленцев, к коим относился и Пруднич, право взять вторую жену и показать тем самым пример другим мужчинам было негласной обязанностью. Но от второй жены он отказался наотрез, несмотря на согласие Анастасии, несмотря на откровенные сватанья вдов, несмотря на требования инспекторов.

Пруднич, разом постаревший лет на десять, не находил себе места, стараясь всеми силами этого не показывать: администратор должен стойко переносить личную боль и с пониманием воспринимать то, что его жена почти сутки так и лежит в луже крови на холодном бетоне коллектора.

Он с детьми сидел при лучине в своей просторной квартире. Костя возился возле Надиной кровати, украдкой вытирая постоянно бегущие из глаз слезы. Прудничу бы остаться одному да приглушить образовавшуюся в сердце пустоту изрядной долей браги. Но он сидел на топчане рядом с Верой, прижимая к себе единственной рукой постоянно вздрагивающую от рыданий дочь.

– Ничего-ничего, Верочка. Мама не умерла. Мама ушла на небо к Боженьке. Она теперь с Ангелами. Ей хорошо, не больно, не холодно, не голодно. И когда-нибудь мы встретимся с нею. И мы будем каждый вечер молиться Боженьке за маму. И мама будет на небе молиться за нас.

– Мама не на небе, она в коллекторе лежит, ты же сам говорил. И ты ее в землю хочешь закопать, а не на небо к Богу отправить.

– В коллекторе осталось тело мамино, а душа ее уже у Бога. Она смотрит оттуда на нас и очень огорчается, что ты все грустишь да плачешь.

Пруднич сам поднял голову к потолку, как будто хотел там, на небе, увидеть Анастасию. У них было почти настоящее небо, нарисованное Настей. После Великого Боя люди Муоса по какому-то всеобщему наитию потянулись к примитивной форме искусства – разрисовыванию потолков и стен своих жилищ и общественных помещений. В Центре заработала целая мастерская по производству красок, спрос на продукцию которой был несоразмерен с достатком жителей Муоса. Разрисовать изнутри свою конуру, пусть коряво и неумело, пусть трясущейся от голода рукой, было делом принципа уважающего себя республиканца. Это был еще один вызов беспросветной действительности, отчаянный плевок в душащий мрак подземелий. Творения большинства таких художников ужасали или в лучшем случае смешили, но Анастасия рисовала очень хорошо. Пруднич поначалу противился столь неразумной покупке: обменять почти полный мешок картошки на пять банок краски. Но когда он увидел, в какую сказку Настя превратила их квартиру, сам застыдил своей скупости. Над входной дверью у них подымалось огромное красное солнце. Верх стен и потолок – голубое небо, кое-где с сиреневым отливом, с редкими кудрявыми облаками. Стены – это сказочный лес с избушками,

серыми волками, чебурашками и прочими зверюшками, срисованными с иллюстраций из детских книжек, взятых в поселковой библиотечке.

Куда бы Пруднич ни повернул голову, он везде наткнулся глазами на что-то, что вопило о незримом присутствии Анастасии. Их просторная квартира в одну комнату была пропитана ее заботой, тягой к красоте и умением создать уют, такими редкими в их голодном, жестоком мире. Скупой интерьер из четырех топчанов, самодельного стеллажа под самый потолок, стола и четырех стульев она сумела превратить в продолжение нарисованной на стенах сказки: ножки мебели были обкручены проводами в разноцветной изоляции, спинки стульев и кроватей раскрашены веселыми цветами, тут и там свисала бахрома из распущенных ниток и отходов кожи. В этой яркой квартире, наполненной смехом, плачем и разговорами неугомонных детей, нельзя было быть несчастливym! И Пруднич, в который раз закусывая губу, тихо бесился от того, что просто вовремя не заметил десятилетний счастья, которые подарила ему эта женщина.

3

Воспоминания волнами накатывали в душу администратора, вызывая жгучую тоскливую истому в сердце. Вот он, молодой ходок-партизан в длинном кожаном плаще, солдатской каске, въезжает с другими ходоками на велодрезине на Площадь Независимости. Как и пододбает ходоку, пренебрежительно хмуро общается с высокомерными и насмешливыми УЗ-3 и УЗ-4. Но на самом деле под его напускной угрюмостью скрывается натура жизнерадостного любопытного юноши. Его душа рвалась осмотреть все, что есть на самой роскошной станции Муоса. На время торгов они заселились в гостиницу. Наспех перекусив, он вышел изучать станцию и окрестности. У него всего два часа – об этом неприятно ему сообщил администратор гостиницы, в случае неприбытия – тревога. Трижды обежав все лавки, конторки, осмотрев термитники квартир и муравейники многочисленных переходов, как минимум два раза получив пинка от постовых в переходах, ведущих на запретные объекты Центра, Владимир не спеша возвращался назад. Он везде был, но в гостиницу возвращаться не хотелось.

Он спрыгнул с платформы на рельсы, решив пройтись по туннелю до ближайшего заслона в сторону Института Культуры. И тут же услышал плач и увидел автора этого плача. Автор сидела на рельсе, уткнув голову в колена и обхватив ее руками. Владимир бы развернулся и пошел, чтобы не мешать человеку. Но не смог из-за волос. Да, именно из-за волос. Он никогда не видел таких волос: у партизанок они обычно были обрезаны, немыты и неухожены. А у этой девушки они были густыми, длинными, опускались до земли и прямо так и лежали на рельсах и шпалах. Он просто должен был увидеть лицо человечка, обладавшего таким чудом. Пусть бы она оказалась страшенькой, и он бы пошел восвояси... Владимир неуверенно произнес:

– Эй, ты-ы...

Плач прекратился, голова резко поднялась, и из-под водопада волос вынырнула симпатичная мордашка с заплаканными глазами и покрасневшимся носиком. Мордашка, чмыхнув носом, совсем незлобно спросила:

– Тебе чего?

– Ну я это... иду тут... А ты плачешь...

– Да ты кто такой вообще?

– Я – Вол.

Вообще-то Воллом Владимира никто раньше не называл, да и потом называть никогда его так не будет. Это он прозвище себе сам такое придумал. У каждого ходока есть свое прозвище, и Прудничу хотелось бы, чтобы его называли Воллом. Но вслух он об этом никому не говорил – не скромно себе прозвища навешивать во вторую ходку, еще ни разу не достав из ножен меча. А вот перед этой почему-то вырвалось само собой. Девчонка, моргнув глазами, ответила:

– Настя.

– Так плачешь чего?

Но вместо ответа ее головка снова брякнулась на колени и она зарыдала. Владимир присел на корточки перед новой знакомой. Уходить он просто так, не дознавшись всего, не собирался. На ее комбинезоне он рассмотрел цифру «6». Уровень значимости девушки его, конечно, не интересовал, так же как и девушку не интересовало партизанское происхождение незнакомца. Вытирая сопли и периодически чмыхая носом, Анастасия рассказала ходоку, что мать у нее УЗ-3, врач. Она тоже хотела стать врачом и три года подряд сдавала какие-то тесты в Университет. Но каждый раз ей не хватало какой-то пары баллов. После первой неудачи ее разжаловали в УЗ-6, и она вынуждена была уйти из квартиры матери в другую квартиру. Благо, устроилась санитаркой в Госпиталь. Сегодня у нее был последний шанс, она снова провалилась, и больше возможности поступить в Университет у нее не будет.

Владимир слушал в пол-уха, не отводя глаз от лица и особенно волос девушки. Ему ужасно хотелось потрогать эти волосы, но позволить себе этого он, конечно, не мог. Он, решив успокоить Настю, сказал первое, что пришло в голову:

– Ну, шестой уровень тоже неплохо... У меня вот вообще никакого нету, даже девятого... И ничего... Живу...

– Дурачок. Девятый только у мутантов в верхних помещениях.

Девушка чуть улыбнулась, а может быть, Владимиру это лишь показалось. И они разговорились. Рассказчик Владимир был не ахти какой, да и похвалиться ему было особо нечем. Поэтому он рассказывал про то, что знал от других: про змеев, лесников, шатунов и прочие страхи Автозаводской линии. Анастасия слушала его, раскрыв рот. До нее, конечно, доходили кое-какие слухи про этих кошмарных существ, но пересказывали это ее же ровесники, которые толком сами ничего не знали. А теперь она все это слышала чуть ли не из первых уст! И Владимир постепенно, но неуклонно вырастал в ее глазах. Через два часа для пятнадцатилетней Насти семнадцатилетний Владимир стал героем, невесть откуда свалившимся прямо к ней в этот туннель между Площадью Независимости и Институтом Культуры. Они не обращали внимание ни на время, ни на центровиков, проходивших мимо и косившихся на странную пару.

– Вот он! – послышалось со стороны платформы. Владимир обернулся и увидел шедшую процессию. Визгливого администратора гостиницы, уже два часа назад заявившего местной службе безопасности о неявке из увольнительной партизана. Двух мордovorотов-центровиков в военных комбинезонах. И однорукого Митяя. Собственно, последнего Владимир боялся больше всех. Он, отходя, сказал Насте:

– Мне пора. Может быть, еще встретимся?

Девушка испуганно переспросила:

– Ты уже уходишь?

– Я тебя найду; в твой Госпиталь приду и найду.

– Извини, я забыла, как звать тебя?

– Во... Владимир. Владимир меня звать.

Для того чтобы унижительная сцена его бичевания не происходила на глазах Насти, он сам подбежал к приближающейся процессии и, не обращая внимания на визг администратора, ловко увернувшись от хватки мордovorота и стараясь не смотреть в глаза Митяя, быстро пошел в направлении гостиницы.

В гостинице они пробыли еще два дня. Митяй лишил Владимира увольнительных. Ему оставалось только сидеть и восхищенно рассматривать запечатлевшийся в памяти образ необыкновенной девушки с великолепными волосами. Когда они уходили с обозом обратно в партизанские лагеря, Владимир обшаривал глазами платформу, ища Анастасию, но ее нигде не было.

Через две недели с новым обозом они пришли в Центр. Митяй отпустил Владимира в увольнительную, многозначительно продемонстрировав ему сжатый кулак здоровой руки. Владимир бежал в госпиталь. Подловив какого-то чернорабочего с семеркой на куртке, он стал расспрашивать про санитарку Анастасию. Тот хотел от него убежать, а когда это не удалось, пытался увильнуть от ответа, но, видя настойчивость Владимира, злорадно заявил:

– Да наверху твоя девка. Сразу как с тобой пообщалась, ей за предательство и связь с иностранными агентами присвоили «почетный» девятый уровень и отправили картошечку полоть.

Пруднич, проклиная тот день, когда спрыгнул в этот злосчастный туннель, и не обращая внимание на оскал чернорабочего, поплелся в гостиницу. Нет, прекращение еще не начавшегося общения с центровичкой его бы сильно не расстроило. Но до конца жизни знать, что из-за своего сумасбродства он фактически убил мучительной смертью ни в чем не повинную

девушку... С этим он просто не сможет жить. Он побежал и, ворвавшись в гостиницу, с юношеской горячностью бросился к Митяю, сумбурно рассказал ему обо всем и потребовал немедленного спасения Анастасии. Митяй хладнокровно ответил:

– Даже и не думай об этом! Все! До ухода из Центра никаких увольнений. А вернемся на Тракторный, подумаем, стоит ли тебе вообще ходоком быть.

В этот день у Владимира закончилась юность. Его мысли в бешеной скачке носились по кругу, раздирая душу на куски и изматывая его от осознания собственного бессилия. Он не хотел бы об этом думать, но сознание само дорисовывало ужас пребывания хрупкого прекрасного создания в логове мутантов. Он не мог этого допустить, этого просто не должно было быть!

Они снова возвращались в партизанские лагеря. Прошли Нейтральную. На выезде стояла увешанная пластами металла бронедрезина. Помогли нейтралам закатить на место металлическую крепость на колесах. Решение родилось спонтанно. Владимир кинулся обратно, к бронедрезине, и протиснулся в узкую щель между броней и стеной туннеля.

Догадавшись, в чем дело, Митяй бросился за ним, пытаясь схватить за руку. Нейтрал с бронедрезины удивленно спросил:

– Малой, ты чего?

– Я хочу стать нейтралом.

Митяй несвойственным ему, почти ласковым голосом, как будто больному, говорил:

– Владимир! Вернись. Еще не поздно. Давай пойдем домой и все забудем. Не горячись.

– Нет, Митяй. Я все решил. Я остаюсь с нейтралами. Прости.

– Ты понимаешь, что это – дезертирство. Возврата обратно не будет.

Нейтрал с бронедрезины примирительно поддержал Митяя:

– Пацан, ты слушай, что командир твой говорит. У нас, знаешь ли, ничего хорошего нет.

Лучше иди домой.

Владимир поднял голову. Митяй, изловчившись, схватил его за руку и сильно потянул назад. Пруднич, понимая, что с Митяем ему не тягаться, крикнул нейтралам:

– Я хочу быть нейтралом!

Сверху без воодушевления спросили:

– Ты уверен?

– Да! – еще громче крикнул Владимир.

Нехотя нейтрал обратился к командиру ходоков:

– Извини, Митяй. Сам Конвенцию знаешь: каждый желающий стать нейтралом имеет право им быть. Пацан сделал свой выбор, и с этим ничего не поделаешь.

Митяй отпустил хватку и, ничего больше не говоря и не оборачиваясь, пошел к велодрезинам.

Владимир стоял в главном доте Нейтральной – апартаментах атамана Головы. Он рассказал ему историю своей встречи с Анастасией и то, как стал невольным виновником ее казни. Голова не особо вслушивался в рассказ молодого партизана и совсем не проникся его идеями. Он вяло спросил:

– Ну и что ты хочешь?

– Помогите ее освободить и забрать сюда!

– Ты debil или прикидываешься? Из-за какой-то бабы, пусть молодой и смазливой, я должен нарушить Конвенцию и объявить войну Центру? У меня что, врагов не хватает? Вот только центровиков в их число приписать осталось для полного счастья! Чтобы Нейтральную раскатали, а меня, да и тебя, дурня, из-за этой целки твоей к мутантам отправили! Охеренная перспектива!

Волна отчаяния вмиг вскипятила кровь и без того находившегося на пределе Пруднича. Он, стиснув кулаки, в два шага подошел к массивному люку дота:

– Я сам пойду!

– А вот это правильно. Подожди-ка.

– Что правильно? – остановившись, спросил Владимир.

– То-то и правильно, что ты еще не нейтрал. В нейтралы мы тебя еще не посвятили, и ты можешь делать все что хочешь. Это нейтрал, по Конвенции, не может нападать на ее членов. А ты пока что рискуешь только собой. Сдохнешь так сдохнешь, а приведешь центровичку свою – милости просим: обоих тогда в нейтралы и посвятим.

Пруднич молчал, не понимая, к чему клонит атаман.

– Мне что твои братья-партизаны, что центровики, что американцы – все побоку. Вот поэтому я тебе могу, как бы невзначай, помочь в твоём деле. Например, продать в кредит, в счет будущих твоих заслуг, кое-какую амуницию; подсказать кое-какие входы-выходы. И, кстати, на Нейтральной сейчас два мужичка ждут посвящения в нейтралы. Они такие же вольные птицы, как и ты. Пойдут с собой – их дело: не-нейтралов удерживать не имею никакого права.

Владимира подташнивало – радиация пробивалась через ватно-марлевые фильтры и прорезиненную ткань. На Поверхности он был в первый раз. От бесконечной бездны неба кружилась голова. Было жарко. Они прошли два квартала, вернее, проползли по руинам. С Нейтральной на Поверхность с ним вышли двое. Первый – центровик-повстанец с Института Культуры Окуневич, который предпочитал, чтобы его называли только по фамилии. После подавления революции Окуневич в течение нескольких лет блуждал по переходам, чудом остался жив и, насытившись голодной свободой, пришел на Нейтральную. Вторым был беглый раб с Америки по имени или кличке Бони. Первый ненавидел государственный строй Центра, второй – рабство. То есть никаких предрассудков насчет нападения на центровиков они не испытывали. Но с Владимиром они пошли неохотно. Просто атаман «порекомендовал» им помочь пацану таким тоном, что отказать ему они просто не смогли.

Они карабкались по руинам домов. Проще было идти по улицам, превратившимся в лесные заросли. Но атаман, не раз предпринимавший такие вылазки, не рекомендовал выбирать на первый взгляд легкий путь. Человек в лесу был беззащитен перед кишевшими там тварями. Поэтому безопаснее было пробираться по руинам, подальше от деревьев и высоких кустарников. Но даже на расстоянии чувствовалась чудовищная враждебность серо-коричнево-зеленой растительности и населявшей ее живности. Дважды им надо было пересекать улицы. Они искали прогалины в зарослях, карабаясь сотни метров вдоль улицы по относительно безопасным руинам. Когда они пересекали очередную прогалину, из леса к ним метнулся ящер. Чудище метровой длины остановилось в полутора метрах от Пруднича, вяло раскрыло пасть, но к людям приближаться не стало. Владимир подумал, что будь он один, монстр вел бы себя более смело.

Они шли к «Динамо» – стадиону, превращенному центровиками в плодородную плантацию, защищенную со всех сторон брустверами обваливающихся трибун. К самому стадиону под землей вел подземный ход. Они шли почти наугад, будучи совсем не уверены, что Анастасия находится именно здесь. Голова рассудил, что рабы-каторжане в Центре – товар нередкий, но не настолько дешевый, чтобы им разбрасываться. Поэтому хрупкую девчонку они вряд ли направят на открытую плантацию. На такие направляли обычно мутантов и более крепких репрессированных центровиков, чтобы они могли при случае сами защититься от набегов врагов и хищников. Поэтому, скорее всего, «соплячку» надо искать в амфитеатре «Динамо». Владимиру оставалось надеяться, что атаман не ошибся.

К стадиону они решили пробираться со стороны квартала по улице Ленина. В других местах вокруг стадиона вздымался высокий лес, и только с этой стороны было относительно

чистое пространство до самого вала амфитеатра. Появления людей охранявшие амфитеатр УЗ-8 боялись меньше всего, а поэтому именно этот участок стены практически не охранялся, дозорных на нем не было. Они стояли там, где могли появиться хищники, – со стороны леса.

Владимир и его спутники подбежали к стене стадиона и по полуразрушенной кладке стали карабкаться вверх. Забравшись на гребень, Владимир увидел внутри огромное поле, расчерченное ровными лоскутами. Было время прополки, четыре десятка рабов УЗ-9, скованные цепями друг с другом, выстроившись в шеренгу, шли с таянками вдоль зеленых картофельных рядов. За ними вяло топтался только один надсмотрщик УЗ-8, на стенах – трое постовых. Под гермолюком выведенного на середину поля подземного хода прячется от ненужных доз радиации еще с пять-шесть надсмотрщиков. Они появятся по первому сигналу тревоги.

Пока что им везло. Втроем они юркнули на трибуны и быстрым шагом стали спускаться вниз – прямо к группе рабов. Надсмотрщик увидел их приближение и поднял арбалет.

Центровик Окуневич с нарочитой грубостью произнес:

– Эй, ты на кого арбалет подымаешь, недоделок? Не видишь, инспектора идут?

В тяжелых мозгах мутанта вяло зашевелились мысли, что-то ему подсказывало бессмысленность сообщения о появлении здесь трех инспекторов. Но недавно начертанная четверка на груди говорившего, шедшего в сопровождении двух «пятерок», заставила его неохотно опустить свое оружие. Караульные, которые стояли на стенах, насторожились. Они все с удивлением рассматривали непонятно откуда появившуюся тройку центровиков.

Медленно подходили к надсмотрщику. Неестественно маленькую голову широкоплечего, горбатого мутанта скрывала защитная маска, крупные затемненные очки и ватиновые фильтры. Но по тому, как он переминался с ноги на ногу, сильно сжимал в своей руке арбалет, можно было догадаться: еще чуть-чуть – и нервы мутанта не выдержат. Спокойным и надменным тоном Окуневич излагал заранее придуманную легенду:

– Я – инспектор сил безопасности. По полученной информации, среди этой группы УЗ-9 есть девушка-ленточница. Мы должны проверить всех УЗ-9, найти ее и доставить в лабораторию для исследований.

До этого молчавший мутант недовольно прогундосил:

– Фо фтаршим рефайте, – и направился в сторону люка.

Окуневич выстрелил в мутанта, стрела вошла ему в затылок, свалив насмерть. Завопили надсмотрщики, сбегавшие с брустверов к полю.

Владимир крикнул растянувшимся по полю УЗ-9:

– Настя!

Никто не отозвался.

– Анастасия.

Одна фигурка на самом краю поля, обтянутая грязным комбинезоном, опираясь на таянку, разогнулась. Владимир подбежал к ней.

– Меня когда-то звали Настей. Теперь я Шавка. Такое имя дал мне господин Дрон.

Владимир не узнавал этого сиплого слабого голоса. Он подбежал к девушке и на секунду приподнял ее защитные очки. Глаза узнал: серые, немножко раскосые. Только теперь их обрамляли синюшные кровоподтеки. Девушка была прикована к общей цепи. Она стояла крайней в ряду. Наверное, надсмотрщики меньше всего опасались ее побега.

– Как снять цепь?

– Ключи у господина Дрона.

Охранники уже сбегали с трибун на поле. Скоро они будут на расстоянии прицельного выстрела из арбалета или еще хуже – смогут вызвать тех, кто прячется в укрытии за люком.

Бони дернул Владимира за плечо:

– Давай, партизан. Стреляй, у вас это лучше получается.

Владимир кивнул. Он снял с плеча свой арбалет и стал целиться. В середину отверстия трубки-прицела он словил жирную цифру восемь на комбинезоне приближающегося надсмотрщика. Плавный спуск. Стрела вошла как раз в середину верхнего круга восьмерки.

Окуневич выстрелил во второго надсмотрщика – промах. Владимир быстро перезарядил арбалет. Прямо над головой пролетела стрела – мутант неудачно выстрелил в него. Прицеливание и спуск. Не так удачно, попал в плечо. Мутант схватился рукой за торчащую стрелу, одновременно пятясь назад. С другой стороны уже целился третий надсмотрщик.

– На землю! – крикнул Владимир всем, но переживал он только за Настю.

Рабы упали на землю среди картофельных рядов, громко брякнув цепями. Окуневич и Бони сделали по выстрелу. Они были плохими стрелками, в отличие от целившегося в них надсмотрщика. Бони согнулся от впившейся ему в бок арбалетной стрелы. Владимир снова выстрелил, и второй надсмотрщик, глухо ухнув, упал на землю.

Раненный в плечо мутант понял, что перестрелку со снайпером ему не выиграть. Он побежал к люку, одновременно крича и зовя на помощь засевшее там подкрепление. Окуневич бросился за ним. Владимир обратился, громко крича, к поднимающимся с земли УЗ-9.

– Вы свободны. Мы – с Нейтральной. Идемте с нами. У нас мало времени, идемте.

Секундное молчание, а потом слабые голоса:

– Мы не сможем...

– Мы не дойдем...

– Я слишком слаб...

– Я и так скоро умру...

– Лучше умереть здесь...

В отчаянии Владимир сделал то, о чем в дальнейшем и он, и Анастасия старались не вспоминать. Он подбежал к тощему рабу, который был прикован к Анастасии, схватил его левую руку, от которой шла цепь к правой руке Насти, и гробовым голосом спросил:

– Ты идешь с нами?

Тощий медленно покачал головой.

Владимир в секунду выхватил из ножен меч и, размахнувшись, отрубил рабу большой палец у самого основания. Рывком дернул кольцо цепи, и она с глухим хрустом соскочила с руки раба. Анастасия закричала, но он не обращал внимание на ее протесты, а также на вопли и проклятия раненого. Схватив за цепь у самой руки Анастасии, он потащил ее за собой.

Окуневич убил убежавшего надсмотрщика и уже возвращался назад. Но сидевшие в укрытии мутанты услышали призывы о помощи. Пять надсмотрщиков выбежали на Поверхность. Окуневич схватил ослабевшую девушку за другую руку, и они втроем побежали в сторону трибуны, с которой спустились на поле. Бони отставал.

Преследователи сразу же разрядили свои арбалеты. Но на бегу им не удалось хорошо прицелиться – ни одна стрела не попала в убежавших. Когда забежали на трибуну, Пруднич оглянулся – надсмотрщики преследовали их только с мечами и дубинами, арбалеты они побросали, надеясь вскоре достигнуть беглецов.

Бони почти перешел на шаг. В середине подъема трибун Окуневич остановился и крикнул:

– Бони, отстреливайся; потом догонишь нас.

Окуневич знал, что «потом» для Бони не будет, об этом догадывался и Бони. Он остановился, сам себе кивнул и устало сел на растрескавшееся от времени пластиковое сидение. Медленно вскинул к плечу арбалет и прицелился в надсмотрщиков.

Когда они достигли вершины трибун, Владимир еще раз посмотрел вниз. Двое надсмотрщиков обегали Бони с разных сторон. Трое возвратились на поле за брошенными арбалетами. В центре поля стоял отрешенно наблюдавший происходящее двухголовый мутант со скрещен-

ными на груди руками. Пруднич мысленно поблагодарил обреченного американца, который задержал надсмотрщиков и дал им шанс спастись.

К вечеру они уже были на Нейтральной. Только через неделю из Центра явились военные со следователем. Они убедились, что Бони, Окуневич и Пруднич не числились нейтралами на момент нападения. Формально нарушения Конвенции не было, и они ушли. Правда, старший военный злобно сказал усмехающемуся Голове, что доложит Ученому Совету о необходимости пересмотра Конвенции. Но дальше пустых угроз дело не пошло.

Владимир и Анастасия поселились в одном из пустующих дотов. Две недели в верхних помещениях Центра подорвали ее здоровье и враз размазали в ничто ее детские мечты и мысли. С первого дня пребывания на каторге симпатичную длинноволосую девушку присмотрели себе начальники надсмотрщиков УЗ-8 – сиамские близнецы, считавшие себя одной личностью и называвшие себя Дроном. Ей предложили стать постоянной любовницей в обмен на освобождение от работ на Поверхности. Что было после ее отказа, Анастасия объяснить не могла: то ли не помнила, то ли не хотела вспоминать. Дрон заставил ее отзываться на унижительную кличку «Шавка» и, избитую и униженную, изгнал к другим УЗ-9.

УЗ-9, брошенные на самое дно социальной лестницы Центра, быстро скатывались к дикости. Обычным делом в их общинах были жестокость и убийства, полигамия и извращения. Слабенькую и миловидную Анастасию ждала страшная участь. Но за нее заступился один УЗ-9. Это был репрессированный ученый-медик, отказавшийся участвовать в экспериментах по выведению морлоков. Его так и называли – Док. Он лечил соплеменников, насколько это было возможно при почти полном отсутствии лекарств и медицинских инструментов, и поэтому общине каторжан был очень полезен. Приведя в чувства истерзанную надсмотрщиками девушку, он заявил всем, что забирает новенькую себе. И нарушить запрет Дока трогать ее не решался никто из УЗ-9, потому что каждый из них мог завтра вознуждаться в его помощи. Док ничего от нее не требовал взамен своего покровительства, хотя спали они рядом. И что им двигало, для Насти так и осталось загадкой. Это Док стоял на поле в цепи рядом с Настей, и именно ему Владимир отрубил палец.

Сидя, обнявшись, в своем тесном доте, они решили больше никогда не вспоминать того, что произошло с момента их встречи до момента их прихода на Нейтральную. И они никогда об этом больше не говорили и почти никогда не думали. Лишь спустя годы Анастасия как-то раз рассказала эту историю подрастающей и умной не по годам Вере, назойливо требовавшей подробного отчета об обстоятельствах знакомства ее родителей. Конечно, в этом рассказе самые жестокие подробности были сглажены. И девочка, привыкшая к тихому однообразию поселковой жизни, настолько прониклась этим рассказом об отважном прошлом ее родителей, что Анастасия была не рада своему внезапному порыву. Вера вместо сказки на ночь требовала очередного повторения этих не очень приятных ее родителям воспоминаний.

Нейтральная не стала для Владимира родным домом. Злобные и постоянно конфликтующие между собой жители станции-форта, становившиеся одним народом только на время нападений, были совсем не похожи на шумных и дружных партизан. Особенно тяжело было Владимиру наблюдать регулярно следовавшие через станцию родные партизанские обозы. Он бы хотел их вообще не видеть, но это было невозможно: каждый нейтрал обязан заступать в дозоры возле бронедрезины и у ворот в Большой Проход. В первый раз в таком дозоре, встретив своих ходоков, он спрыгнул с дрезины и выбежал к ним навстречу, радостно приветствуя друзей. Митяй от него отвернулся. Никто из ходоков не протянул ему руки, как будто они не видели и не слышали Владимира. Для них он был дезертиром.

Наступали ленточники – трупный запах этой черной давящей угрозы просачивался уже и на их станцию-крепость. И от этого таким хрупким казался кокон счастья этих двух человек, ожидавших скорого появления третьего. Скоро через Нейтральную прошел странный обоз в

сопровождении людей, пришедших откуда-то издалека, не из Муоса. А еще через несколько месяцев на станцию пришел монах, назвавшийся Присланным. Кто был этот человек, и был ли он человеком вообще, осталось загадкой. Но его дар говорить простыми словами о великих вещах оправдывал данное ему прозвище. Пруднич, как сейчас, помнит себя и Настю, стоящих на одном колене и в едином порыве со всеми жителями Нейтральной приветствующих Присланного. А еще через три месяца Настя, пряча слезы, сидя у него на коленях и держа на руках месячного Костика, шептала ему, уходящему в Последний Бой, неизвестно где услышанные ею заговоры от смерти.

Он помнит строй, в котором стояли почти все мужчины Муоса, чувствуя себя непобедимой силой, монолитом, о который непременно разобьется нашествие людей-червей. Туманная вуаль покрывала его воспоминания о длившемся сутки кровавом кошмаре, названном Последним Боем. Больше он помнил усталое лицо Мясника, быстро и неаккуратно зашивающего ему кровоточащие обрубки руки и ноги, матерясь в ответ на его просьбы уколоть опиум.

После возвращения домой он быстро научился ходить на протезе; еще быстрее утратил чувство неполноценности из-за увечья, потому что оказался одним из немногих выживших и одним из многих калек.

Нейтральная вошла в Республику, по призыву которой он, Анастасия и Окуневич, собрав небольшую группу добровольцев, заселили поселение МегаБанк, администратором которого был назначен Пруднич. Жили они не сыто, но относительно спокойно и, в общем-то, счастливо: честно трудились, отстраивали поселение, рожали, растили и воспитывали детей.

Пруднич был не только руководителем поселка, но и единственным священником поселения. Республика с прохладцей относилась к «религиозным суевериям» народа, но вынуждена была с ними считаться, по крайней мере до тех пор, пока не сократиться до минимума количество людей, помнящих Присланного. Тем более людскую веру можно было использовать на службе государству. В не так давно изданном законе Республики было предписано, что каждое поселение имеет право на опрвление религиозных культов только под эгидой руководителя поселения. Поэтому выбор был невелик: или культ становился противозаконным, или же его опрвлял администратор поселения. Пройдя двухнедельный курс в Монастыре, он получил право на ведение церковных служб и таинств. Мегабанковцы выходили на молитву и принимали причастие от Пруднича, на время становившегося отцом Владимиром, но исповедоваться к нему шли неохотно. Потому что он был для них «в доску» своим, да и без исповеди знал недостатки каждого из них.

Когда все взрослые поселчане уходили наверх, Пруднич становился учителем и воспитателем. Девятеро ребят разных возрастов собирались в холле, чтобы получить от него те немногие знания, которые он получил за три года учебы в партизанской школе. К этому скромному багажу Пруднич старался кое-что добавить в ходе самообучения, самостоятельно читая и истолковывая на свой лад малопонятные для него учебники. Вообще-то последние годы администраторов поселений обучали в Университете, но «старые кадры» не трогали и переучиваться не заставляли.

Пруднич не был талантливym учителем, и его ученики не проявляли особых рвений к овладению знаниями. За исключением одной ученицы – его собственной дочери Веры. Она, открыв рот, сидела на всех уроках, внимательно слушала своего отца, аккуратно выводила на обратной стороне серых банковских бланков буквы и цифры. Вера цыкала на других учеников, которые шумели и отвлекались на уроках. И даже один раз подралась с Колькой, который передразнивал ее отца. Она зачитала до дыр все учебники в их скудной библиотеке, выкачала из отца все его знания и заваливала его кучей вопросов, на которые он просто не знал ответов. В своих мечтах Пруднич видел Веру студенткой Университета, а потом – великой ученой в одной из уютных лабораторий Центра, создающей средства для спасения Муоса.

Пруднич, сколько себя помнил, постоянно был чем-то недоволен: не таким большим, как хотелось бы, урожаем; слишком большими, больше, чем хотелось бы, налогами; не прекращавшимися мелочными ссорами между посельчанами; своими неудачами на поприщах капеллана и учителя, никем здесь не воспринимавшихся всерьез, и сотнями других раздражавших и пугавших его неудач. Теперь же на фоне настоящего горя все эти «беды» виделись мелочами, слегка подсадивавшими его счастливую жизнь.

И он все ждал этого чертового следователя, из-за которого он не мог по-христиански похоронить свою жену, помянуть ее по-мужски, уложить детей и пойти наконец-то закрыться в администраторской да побыть самим собой – обычным мужиком, у которого отняли жену, любимую им больше жизни.

Дверь их квартиры открылась, вбежала запыхавшаяся дозорная Нина – вдова из соседней квартиры. Взрослых мужчин в поселке было всего восьмеро, поэтому дозор к единственному входу в МегаБанк перекрывали и женщинами. Да и никакой опасности пребывание в таком дозоре не несло: через массивные двери в холл все равно никто проникнуть не мог. Вера не любила Нину за то, что она не раз недвусмысленно набивалась в число жен администратора. А Нина взволнованно протараторила:

– Аркадьевич, там это... следователь из Центра.

Несмотря ни на что, слово «следователь» даже выдавшего виды Пруднича заставило вздрогнуть. Об этих сверхлюдях ходили легенды. Их боялись и уважали. Они были наделены огромными полномочиями и обладали почти сказочными способностями. Они были лишены страха и равнодушны к голоду и боли.

Пруднич неуклюже встал и суетливо, опираясь на палку и заваливаясь на корявый протез, покулыгал к двери. Ему на миг показалось, что следователь каким-то чудом может вернуть ему его жену. Вере передалось настроение отца, и она тоже поднялась с кушетки и выбежала в холл.

Следователь совсем не был страшен, как это рисовали старшие ребята в своих рассказах. Среднего роста, худой человек, с обычным лицом – не злым и не добрым, просто каким-то неподвижным. По возрасту – как отец, темно-русые волосы с сединой на висках. Форма следователя совсем не бросалась в глаза, как, например, униформа военных или чиновников: серая укороченная матерчатая куртка, серые широкие брюки, затянутые ниже лодыжек. Вот только сапоги были необычные – невысокие из прорезиненной материи; они позволяли передвигаться беззвучно. За спиной – ножны с двумя короткими мечами и рюкзак. Об этих рюкзаках тоже ходили легенды. Говорили, что там лежат сложные, почти волшебные приборы и инструменты, при помощи которых следователи узнают Истину.

Следователь, не поздоровавшись, спокойным властным тоном обратился к Прудничу:

– Идем к месту происшествия. Подробности сообщите там.

Следователь развернулся и вышел, не заботясь о том, успевает ли за ним инвалид. На осмотр трупа и места происшествия ушло не больше часа. Следователя сопровождали два воина из УБР – Ударного Батальона Республики, которых называли убрами, исполнявших в Республике роль спецназа. Но и убры вместе Прудничем и другими жителями МегаБанка стояли вдалеке. Им было видно мерцание фонарика следователя, который то нагибался, то подымался, что-то изучая и осматривая. Следователь ничего не писал, всю информацию следователи складировали исключительно в своей памяти. Потом он подошел к сопровождавшим и сообщил:

– Осмотр закончен, можете хоронить.

Кто-то из мегабанковцев спросил:

– Что там?

Следователь невозмутимо ответил:

– До приведения приговора в исполнение вся информация по происшествию – тайна следствия. Мы уходим.

Пруднич растерянно спросил:

– Как уходите? Куда?

– Приводить приговор в исполнение. Вы остаетесь здесь. Из селения никто не выходит до моего разрешения.

– А если вы не вернетесь?

– Это маловероятно. Но и в этом случае вы не выходите из поселка до прихода другого следователя, который будет выслан, если я не представлю рапорт в течение недели.

Командор поселка Окуневич, который отвечал за оборону селения и был негласным заместителем Пруднича, неуверенно спросил:

– Но вас только трое. Мы можем пойти с вами?

Следователь приглушенно ответил вопросом на вопрос:

– Кто-то не понял, что я сказал?

– Мы сделаем так, как вы скажете, следователь, – вмешался Пруднич, – только найдите тех, кто это сделал.

Следователь едва заметно кивнул, развернулся и, не попрощавшись, ушел вместе с убрами.

На следующий день, после похорон, все собрались в холле, бывшем одновременно столовой и залом совещаний, гостиной и гостиницей для гостей, церковью, учебным классом и библиотекой. Теперь это было местом поминок. На столах – вареная картошка в кожуре, вяленые слизни да бутылки с брагой – нехитрая пажить мегабанковцев. Стандартные слова, тихий разговор. Вера сидела на лавке, на своем месте – там, где она всегда сидела во время праздников. Только вот мамы не было. Вера не притронулась к еде. Она косилась на пустое место на лавке между нею и отцом – там раньше всегда сидела мама. Иногда Вера бросала злобные взгляды на тетю Нину: молодая вдова, которая и до смерти мамы не могла спокойно пройти мимо ее отца, вырядилась на поминки как на праздник, распустила волосы. Она назойливо успокаивала ее отца, то и дело кладя руки ему на плечи и с неестественным сочувствием пыталась «приголубить» детей администратора поселка. А старый Пруднич ничего вокруг не замечал. Он выпивал подливаемую ему Ниной брагу и замирал, уставившись на нетронутый стакан с лежащими рядом картофелинами для его жены.

Мегабанковцы подпили, и теперь гул голосов стал громче. Кто-то вспоминал эпизоды из жизни жены администратора, кто-то разговаривал уже на совсем посторонние темы. Дети начали шалить. Костя подсел к Лизе, они беседовали о чем-то серьезном, хотя вряд ли о его погибшей матери. И если бы не угрюмый администратор да его мрачная дочь, все походило бы на обычный совместный вечер жителей поселка.

Вдруг дозорный сказал одно лишь слово, которое вмиг погрузило холл в тишину:

– Следователь.

Мегабанковцы повставали со своих мест, Пруднич поднял голову.

Следователь вошел в сопровождении тех же убров. Остановившись, он, как всегда, не здороваясь, монотонным канцелярским голосом сообщил:

– Именем Республики! Оглашается приведенный в исполнение приговор. Вчера мною получено сообщение о гибели гражданки Республики, жительницы поселения МегаБанк Анастасии Пруднич. В сопровождении двух солдат Ударного Батальона Республики мною осуществлено выбытие на место происшествия. При осмотре были установлены явные следы ритуального убийства, указывающего на причастность к нему членов секты так называемых чистильщиков. Признаки этого – крестообразное нанесение пяти ударов ножом: в живот, шею, пах, обе груди и в солнечное сплетение убитой, и оставление ритуального ножа в раневом канале в области живота. Осмотром трупа установлено, что раны прижизненны и причинили потерпевшей тяжелые предсмертные страдания. На месте обнаружены средства связывания и кляп, а также следы обуви. В соответствии с параграфом девятнадцать, мною организован

поиск сектантов. Средства и методы поиска составляют государственную тайну, оглашению не подлежат и будут мною изложены в письменном рапорте на имя начсота Республики. В действиях преступников содержится состав преступления, предусмотренного пунктами семь и двенадцать параграфа четыреста сорок семь – ритуальное убийство с особой жестокостью. В связи с особой опасностью преступников, а также ввиду отсутствия доказательств их принадлежности к гражданству Республики, в соответствии с параграфом тридцать восемь, я заочно вынес в отношении них смертный приговор, исполнение которого принял на себя лично и поручил двум сопровождавшим меня убрарам. В течение шестнадцати часов нами была обнаружена группа сектантов в количестве шести человек. В ходе скрытого наблюдения была установлена их причастность к убийству гражданки Пруднич, так как детали преступления они обсуждали между собой. Приговор до оглашения был приведен в исполнение. Приговоренные оказали сопротивление, что лишило их права на выбор способа казни. При осмотре казненных установлены дополнительные доказательства их причастности к убийству: наличие ритуальных ножей, совпадение следов обуви с обнаруженными на месте происшествия, обнаруженные при посмертном обыске вещи убитой. В соответствии с параграфом двести тридцать девять, требующим при наличии возможности предоставлять в распоряжение родственникам убитых головы казненных, мною осуществлено расчленение трупов...

Один из убраров бросил к ногам мегабанковцев завязанный мешок, по контурам которого было видно, что в нем лежат круглые предметы. Мешковина пропиталась кровью. Несколько женщин и детей, оказавшихся ближе других к казненным, отшатнулись от чудовищного трофея. А следователь бесстрастно продолжал:

– В соответствии с параграфом девяносто четыре вам, потерпевший, предоставляются на опознание вещи убитой.

Следователь, переступив мешок с головами, подошел к столу, небрежно стряхнул разбросанные на нем картофельные лупины и на освободившееся место высыпал из пакета деревянный крестик на бечевке и латунное обручальное кольцо.

– Это ее вещи?

Пруднич рассеянно ответил:

– Ее, кажется... Да, конечно, это вещи моей Насти, я узнаю их.

– Вещи убитой остаются вам. В соответствии с параграфом двести пятьдесят четыре вы имеете право на реквизицию имущества казненных: одежду, обувь, аксессуары, ручную кладь, оружие. Убры объяснят, где найти трупы...

– Не нужны нам их вещи.

– Отказ принят. Оглашение приговора окончено. Именем Республики!

А потом следователь менее сухим голосом добавил:

– С настоящего момента ограничение на выход из вашего поселка снимается. Однако я обязан вам сообщить следующее. По определенным признакам, установленным по результатам расследования, усматривается, что уничтоженная группа является лишь отдельной частью значительно большего по численности преступного формирования, в планы которого, возможно, входит полное уничтожение вашего поселка. В своем рапорте я изложу о необходимости проведения операции по их уничтожению в этой части Муоса, но когда власти Республики примут такое решение и примут ли его вообще, я не знаю. Настоятельно рекомендую покинуть эту территорию до уничтожения клана чистильщиков. До ухода из поселка принимайте исключительные меры предосторожности.

Следователь и его два спутника повернулись и пошли на выход из хранилища. Недоуменные поселчане молча смотрели им вслед.

4

Владимир Пруднич кое-что слышал о чистильщиках: подобную информацию ему, как администратору, передавали из Центра. Чистильщики – так себя называли члены секты, родившейся сразу после Великого Боя. По слухам, основал ее офицер-партизан, переживший эту кошмарную битву с ленточниками. Возможно, ужас этой схватки оставил неизгладимый след в его сознании. Бросившись в религию, посредством психопатичных умозаключений он пришел к выводу, что его миссия – уничтожить все население Муоса, после чего убить и себя. О том, что Последняя Мировая – это предсказанный Библией апокалипсис, думали многие. Но основатель клана чистильщиков пошел дальше: он считал, что скрывающиеся в подземельях грешат, противясь воле свыше, порешившей свести счеты с человечеством. И наступлениерая на земле возможно только после смерти последнего живущего на ней. Как не странно, он нашел много единомышленников. Действительно, жизнь в Муосе многие считали адом, а лжемессия предлагал такой простой и понятный способ спасения душ. Они называли себя чистильщиками – от слов «чистилище» или «чистить». Каждый вступающий в клан давал клятву убивать жителей Муоса, не входящих в клан, вплоть до последнего человека; когда останутся только члены клана – умерщвлять и их; а когда останется последний чистильщик – он должен был умертвить себя. Когда у главного чистильщика спрашивали насчет Москвы и других убежищ, он заверял, что там тоже есть чистильщики, которые делают свое дело.

Кровавый пророк увлек за собой в неметрошные переходы десятки фанатиков. Они выжигали клеймом кресты у себя на лбу – знак принадлежности к клану. Убиение себе подобных было смыслом их существования. Но особо ценным ими было ритуальное убийство, считавшееся особой милостью к жертве, дававшей ей шанс на воскрешение в раю. Пока ударенный пять раз ритуальным ножом умирал в мучениях, исступленные сектанты прыгали и выкрикивали заклинания, умиленно радуясь агонии умирающего. Захваченным в плен чистильщики обычно предлагали вступить в свои ряды. Для этого надо было лишь выжечь крест у себя на лбу и совершить ритуальное убийство хотя бы одного необращенного. Видя мучения других, многие захваченные пленники соглашались, а после клеймения и участия в ритуальном убийстве у них уже не было пути назад; со временем они пьянели от крови и сами становились полоумными фанатиками. Клан чистильщиков рос и на периферии Республики стал угрозой, сравнимой с угрозой ленточников.

Когда-то Пруднич сообщения о чистильщиках от инспекторов слушал в пол-уха. Ему не думалось, что сумасшедшие кровожадные сектанты появятся где-то рядом и, тем более, что в их руки может попасть кто-то близкий. Пруднич на собрании поселка предложил оставить МегаБанк и уходить в Центр. Там они убедят власти быстрее уничтожить клан чистильщиком, а потом снова вернуться в МегаБанк. Но поселчане не приняли его предложение:

– И что дальше?

– Кем мы там будем?

– Даром кормить нас никто не будет, отправят на необжитые места, и подохнем там с голодухи или от мутантов.

– Да и картошку убирать через месяц уже.

– А тут у нас крепость – такую другую пойдисыщи в Муосе.

Пруднич хмуро смотрел на своих земляков.

– Ладно. Будь по-вашему. Согласен, что напасть на нас могут только вне МегаБанка. Поэтому с сегодняшнего дня разрешаю выходить из МегаБанка только группами и с оружием. От всех требую предельной осторожности. При малейшей опасности бежать к МегаБанку. Понятно?

Через неделю Пруднич лично пошел в Центр с просьбой найти и уничтожить клан чистильщиков. Он уже не ходил так далеко больше года – на протезе с костылями несколько километров по многоуровневым переходам нужно было идти целый день. Весь разбитый после дороги, он стоял в кабинете перед заваленным бумагами столом инспектора сектора «Юго-Запад», в который входил и поселок МегаБанк. Пруднич, еле сдерживаясь, чтобы не перейти на крик, умолял чиновника:

– Я прошу вас послать военных и найти клан. Да поймите же вы, в моем поселке двадцать семь жильцов, из них мужиков – семь человек, включая меня.

Он поднял культю и стукнул ножным протезом по полу. Чиновник даже не поднял голову, с показной отрешенностью изучая какой-то документ на столе.

– У нашего поселения мощные стены и дверь, но на нас могут напасть в переходах или даже на Поверхности, откуда мы не сможем добежать до своего убежища...

– Я в который раз объясняю: всем поселением приходите сюда, получите статус беженцев, мы вас заселим на какое-нибудь вымерш... вернее, нежилое поселение, и живите себе на здоровье. Кстати, Восток и Борисовский Тракт после ленточников так и не заселены. Мы готовим группы переселенцев туда. Ну, конечно, жизнь там поначалу не сладкая будет: где-то и потрудиться надо и ленточников недобитых по неметрошным переходам погонять. Но кому сейчас легко?

– Вы не зря оговорились: ни на что, кроме вымершего поселения или анклава в урочище ленточников нам рассчитывать не приходится. А МегаБанк – это хороший, удобный поселок. У нас плодородное поле на Поверхности. Не забывайте, мы исправно платим налог и собираемся со временем даже расширить посадку картофеля.

При этих словах администратора инспектор быстро заглянул в какую-то папку и едва заметно кивнул. Редко какое поселение в последнее время отличалось такой аккуратностью. Ободренный этим, Пруднич заговорил быстрее:

– Ну, хотя бы переселите к нам эдак десять крепких мужиков, и мы организуем оборону сами. Мы справимся – наше поле может прокормить еще с десятков человек... Да и невесты у нас есть.

Пруднич улыбнулся, надеясь, что инспектора эти слова как-то смягчат. Но эффект получился обратный.

– Ну вы и придумали! Невест и у нас – три четверти Муоса, и половина из них – с детьми. Вот таких можем к вам переселить. А мужчины нужны на метрошных линиях: для обороны, для самых важных работ. Да и где вы мужчину неженатого видели? У большинства по две, а то и по три жены, да детей куча. Это только вы у нас такой капризный, видите ли. Однолюба из себя строите, моральный дух подрываете. Короче, так: я знаю, что погибла ваша жена. Поэтому ваша назойливость мною толкуется только как желание свести личные счеты с чистильщиками вопреки интересам Республики. Если вы будете продолжать в том же духе, я сообщу куда следует.

Пруднич в сердцах махнул рукой и поковылял на выход. А инспектор, уже совсем разгорячившись, кричал вслед, перейдя на ты:

– А тебе, Пруднич, я даю два месяца, чтобы женился. Не то время, чтобы трауры по году блюсти. У меня самого две жены: обе старые и нелюбимые. Но я не ною. Республика сказала, что так надо, значит, так надо.

Закрывая дверь, Пруднич обернулся. Инспектор выкатился на инвалидном кресле из-за стола. У него не было обеих ног. Ноги бывшего центровика-военного, ставшего чиновником, остались лежать где-то в куче трюпов в гараже Великого Боя.

5

Прошло уже четыре месяца. Чистильщики нигде не появлялись, и МегаБанк стал забывать о трагедии своего администратора. К тому же был собран небывалый урожай картофеля. Излишек продали, и на вырученные муони купили оружие, инструменты, витамины, овощи. Их поселок еще никогда не был таким процветающим. По этому случаю устроили праздник. Кульминацией была раздача муоней. Пруднич, оставив часть муоней на общие нужды в тайничке своей квартиры, остальные решил разделить поровну на каждого жильца. Уже пять лет, как власти Республики ввели денежную систему, запретив натуральный обмен. Якобы это должно было способствовать развитию экономики. Но Пруднич считал это нововведение всего лишь очередной мерой по более скрупулезному выдавливанию налогов из поселений, а заодно попыткой сделать вид, что в Муосе становится все так, как было «До».

Но, несмотря ни на что, раздача денег привела жильцов МегаБанка в неописуемый восторг. Пруднич впервые улыбнулся за последние несколько месяцев, глядя на счастливые лица поселчан, бережно берущих в свои руки маленькие разноцветные ассигнации, по-смешному их рассматривающих, ощупывающих и даже обнюхивающих. Раньше практически все деньги, вырученные от продажи картофеля, тратились на покупку товаров на рынке – поэтому почти никто из мегабанковцев их не держал в руках. Своим намерением раздать деньги он поделился только с командором Окуневичем, и тот во время последнего похода на Вокзал обошел весь рынок и все магазинчики, составив длинный прайс-лист. Теперь несколько мелко исписанных листков ходили по рукам поселчан. Мегабанковцы громко обсуждали предстоящие покупки, приценивались, важно цокая языками, решали, что купить, тут же меняли свое решение, увидев какой-то более нужный товар в списке. Они допоздна смеялись, спорили, шумели. Они впервые могли купить что-то, что было не связано с устранением угрозы голода, болезни или нападения. И казалось, что дальше будет становиться все лучше и лучше.

Прошло еще несколько дней. Несмотря на то, что было поздно, никто в поселке не спал. Все ждали группу, которая была послана в Центр с длинным списком заказов и стопкой муоней, собранных на их оплату. Свет в поселок был проведен, но освещение было только в холле. Вера то и дело подбегала и меняла лучину. Она иногда о чем-нибудь спрашивала засыпающего отца или подбегала к тихо спящей Надьке, чтобы деловито, «как взрослая», поправить ей одеяльце. Она могла бы в холле пересматривать книжки из их поселковой библиотечки, но все они казались какими-то блеклыми на фоне тех невероятных учебников с Поверхности и про Поверхность и фантастических сказок с картинками, которые заказал ей отец на их долю муоней. Вера уже представляла, как она выйдет в холл не с какой-то там библиотечной, а со своей личной книгой, важно сядет за стол и начнет вслух читать. Другие дети тут же подбегут, будут слушать, просить почитать, обсуждать картинки. Она, конечно, даст им, может, даже на общую полку в библиотечке поставит, но потом – когда начнется сама. Костик своей Лизке заказал подарок, но не признается, какой. Даже в общий список его не внес, а записал его на отдельной бумажке и передал Ленке-торговке. Ему тоже нейдет, он то и дело подходит к двери и выглядывает в нее, надеясь, что Лизка тоже выглянет из двери напротив.

Вдруг в дверь хранилища постучали. Дозорная радостно закричала: «Возвращаются!». Поселковцы, услышав стук, и без этого сообщения уже выбегали из своих жилищ к входу в хранилище. Открыли массивную металлическую дверь. Ленка-торговка и четверо из торговой группы, предвкушая радость дарить другим радость, весело заталкивали тележки с большими баулами. Старый Пруднич, пропустив выбегающих Веру и Константина, остался у входа наблюдать со стороны картину продолжающегося праздника на их станции.

Глухие щелчки – кто-то нажал на спусковые крючки арбалетов. Старый Пруднич понял это, еще прежде чем упала Ленка-Торговка и закричали другие поселъчане.

– Дверь! Дверь закрывайте! – проорал Пруднич.

Но как раз на пороге стояла тележка и лежала Ленка с торчащими из спины стрелами. Пока вытаскивали тележку и втаскивали Ленку, прозвучал еще один арбалетный залп. Двое мегабанковцев свалились у двери, и в тот же миг дюжина волосатых чистильщиков с выжженными крестами на лбах налегли плечами в почти закрывшуюся дверь. Пруднич закричал:

– Держите дверь! Вера, Костя, назад!

Вера остолбенела, Костя схватил ее за руку и потащил в квартиру. Отец с мечом в руке выходил из квартиры. Он быстро сказал Косте:

– Ты знаешь, что делать.

Он поковылял к двери в хранилище, неуклонно открывающейся внутрь холла.

Окуневич вырвал меч из руки убитой дозорной и сделал несколько резких выпадов в сторону чистильщиков, пытавшихся просунуться в щель. Один из них с рассеченным животом ввалился внутрь как раз у дверного косяка, забрав надежду замкнуть дверь. Стойки с оружием стояли в другом конце холла, добежать до них – несколько секунд. Но этих нескольких секунд у мегабанковцев не было – если дверь распахнется, чистильщики ворвутся в холл. Мечи и арбалеты были у торговой группы, но все они были убиты и лежали на полу, придавив свое оружие. Пруднич подошел к расширяющейся щели. Он увидел, что чистильщиков за дверью толпилось больше, чем жильцов МегаБанка. Они с отрешенными лицами шли выполнить свою сумасшедшую миссию. Пруднич с ходу вогнал меч в шею самому здоровому из них. Но достать меч из трупа ему было не суждено. Сразу два вражеских клинка рубанули по его туловищу, и он рухнул на пол. Гибель администратора сломила дух оборонявшихся. Они отпрянули от двери. В течение нескольких секунд их повалили на землю и вязали наводнившие холл чистильщики.

6

Несколько лет назад отец подозвал еще совсем маленького Костю и показал ему на тайный лаз в их квартире. Это была вентиляционная шахта, расположенная за выступом стены. Жерло шахты находилось над полкой, на которой была сложена разная домашняя дребедень. Шахта была неширокой, но ребенок и даже подросток туда мог влезть. Шахта уходила на метра четыре вглубь стены, вернее, вглубь другого помещения хранилища, а потом изгибалась и отвесно шла вверх.

После убийства матери отец снова напомнил Косте об этой шахте и сказал:

– Если что случится, хватаешь Настю и Веру и туда. Ждете, пока не минует опасность.

– Какая опасность, папа?

– Какая-нибудь.

Как только Костя и Вера вбежали в квартиру, парень сразу бросился к Надиной кровати, схватил ребенка на руки и подтолкнул Веру к полкам. Он показал Вере шахту и потребовал, чтоб она лезла в нее. Вера медлила, и тогда он ее больно схватил одной рукой за ногу и подсадил так, что девочка почти юркнула внутрь шахты. Костя попытался втолкнуть в шахту Надю. Но Надя начала вырываться и плакать. Она громко кричала, не оставляя никакого шанса спрятаться им всем. В это время чистильщики уже вязали поселковцев в холле, а трое из них, услышав крик, направлялись в квартиру Прудничей. Костя выругался, держа в одной руке Надю, схватил со стены сделанную ему отцом легкую саблю и в отчаянной попытке прорваться из поселка побежал в сторону холла. Трое чистильщиков преградили ему путь. Он замахнулся саблей. Чистильщик парировал удар, сабля вылетела из рук Кости. Костю вместе с Надей схватили и вытащили в холл.

Вера смутно помнит, что происходило дальше. Она слышала, как чистильщики бегали по квартире, задевая мебель. Потом в течение нескольких часов они совершали свой кровавый ритуал в холле. Под дикие крики приносимых в жертву они иступленно орали бессмысленные молитвы, дико ухали и танцевали над жертвами. Она слышала плаксивый голос тети Нины, ее крик, потом снова ее причитания. Вера тихонько выла, лежа на животе в шахте. Ей было страшно. Она отказывалась верить в то, что происходит. Она надеялась, что все это – дурной сон, сейчас Костя, смеясь, ее достанет из этой шахты, и они пойдут рассматривать долгожданные покупки. После долгой экзекуции чистильщики собрали продукты, вещи, оружие и ушли. Наступила тишина. Такой тишины в МегаБанке Вера не помнит. Всегда, даже ночью, кто-то храпел, шуршал, шептался, чем-нибудь скрипел. Сейчас Верино дыхание, усиливавшееся эхом вентиляционной шахты, было единственным звуком в этом безмолвии.

Вера боялась покидать свое убежище. Даже в этой тишине она продолжала лежать в шахте и, в конце концов, заснула. Проснулась от того, что затекли руки и ноги. Еле-еле выползла из шахты. В ее квартире было все как всегда: как будто отец с Костиком пошли на ужин в холл, а Надю забрала на время соседка. Ноги не шли к входной двери, потому что Вера знала, что за ней кончается ее детство. И все же она осторожно приоткрыла дверь. Дальше Вера ничего не помнила...

Она не помнила, когда пришли торговцы. Слава об урожае в МегаБанке разошлась по этой части Муоса, и они спешили реализовать внезапно разбогатевшим поселчанам кое-какой товар. Дверь МегаБанка была закрыта, но не заперта. Возле нее толпились червеподобные падальщики, и то, что они не вползли внутрь, означало, что там есть еще кто-то живой. Торговцы, спугнув падальщиков, вошли внутрь и увидели чудовищную картину самого страшного из известных в Муосе ритуальных убийств. И девочку, которая молча сидела возле трупа однорукого и одноногого мужчины, держа на руках убитого ребенка. Неизвестно, сколько девочка провела времени среди уже начавших разлагаться трупов. Но, когда ее пытались забрать, она,

как звереныш, вырывалась, царапалась, кусалась и кричала. Они просто побоялись, что крик девочки привлечет тех, кто устроил это побоище, и поэтому оставили ее. Торговцы немедленно вернулись на станцию и сообщили об обнаруженной находке.

Следователь и группа убров через несколько часов прибыли в МегаБанк. Следователь, закончив осмотр места происшествия, просто спросил у Веры:

– Идешь с нами?

Девочка узнала следователя. Она молча поднялась, пошла и не отходила от него всю дорогу. Командир убров спросил:

– Полковник, не надо, чтоб ребенок шел с нами. Давайте я пошлю кого-нибудь из солдат отвести ее к ближайшему поселению.

– Я без него не пойду, – резко сказала Вера, схватив следователя за руку.

Следователь вырвал руку, но с офицером не согласился:

– Пусть идет с нами. Мы не можем разбрасываться солдатами.

Офицер остался при своем мнении, но промолчал. Со следователями в Республике не спорил никто.

7

Они шли долго. Следователя не заботило, успевают ли за ним маленькая спутница. Поэтому большую часть пути ее несли на руках убры, передавая друг другу. Следователь шел первым, метрах в тридцати от остальных. Его шагов не было слышно – умение бесшумно передвигаться было одной из многих способностей следователей. Он внимательно осматривал все, что видел под ногами, на стенах и над головой. В какие-то моменты он останавливался, всматриваясь в какие-то следы или знаки на стенах. Убры тоже останавливались – никто не смел подойти к следователю, когда он ведет осмотр. Потом он сделал знак рукой, и отряд подошел ближе. Следователь тихо, почти шепотом, объявил:

– Именем Республики. Мною вынесен приговор в отношении неопределенного числа членов клана чистильщиков, совершившего нападение на поселение МегаБанк. В связи с особой опасностью преступников, а также ввиду отсутствия доказательств их принадлежности к гражданству Республики, в соответствии с параграфом семьдесят четыре приговор выносится заочно и будет оглашен после приведения в исполнение. Исполнение приговора принимаю на себя лично и поручаю вам. В соответствии со вторым примечанием к параграфу четыреста сорок семь приговорены все члены клана независимо от их участия в нападении на поселение МегаБанк. Приговоренные, которые не будут оказывать сопротивление и явным образом заявят о добровольной сдаче, имеют право на выбор способа умерщвления. Всем все понятно?

Следователь выхватил из ножен за спиной два коротких меча, в порядке разминки осуществил несколько молниеносных взмахов и, словно хищник, пригнувшись, бесшумно направился вперед по коридору. Командир убров зачем-то дал в руку Вере небольшой раскладной ножик и, отходя, коротко ей сказал:

– Остаешься здесь.

Сначала Вера оставалась на месте, но, как только убры выключили фонари, Вера оказалась во тьме и чуть не закричала. Кое-где слегка светились подземные растения, и Вере казалось, что это чистильщики хищно смотрят на нее. Она побежала за ушедшим отрядом, то и дело спотыкаясь и ударяясь плечами о стены. Она услышала шаги убров: они старались, но не умели передвигаться так бесшумно, как следователь. Потом увидела слабое фосфоресцирующее свечение от сложенных вместе нескольких светящихся грибов, называемых светляками. За этой кучей живых светильников валялись три трупа – уничтоженный дозор чистильщиков.

Она бежала дальше, к свету в конце прохода. От стука сердца и крови в висках, от своего надрывного дыхания и топота она не слышала звуков схватки. Вера остановилась только когда оказалась в большом помещении, похожем на холл МегаБанка, только еще больше. В центре горел костер, вокруг костра шла битва. Вера не убежала, а лишь крепче сжала в руках подаренное солдатом оружие. Мертвые и умирающие чистильщики валялись возле костра – там, где их застали убры. Живых было еще много, больше, чем воинов спецназа. Но это были в основном женщины и подростки. Они неумело отбивались от теснивших их в угол солдат и падали на пол, один за другим. Вера сразу различила метущуюся тень следователя, который, вертя мечами, раз за разом делал безошибочные смертельные выпады. Наконец, все было кончено. В маленьком Верином сердце не было никакой жалости к тем, кто разрушил ее детство; ее жалость навсегда осталась в холле МегаБанка. И она, не отрывая глаз, внимательно смотрела на следователя.

После того как пал последний вооруженный чистильщик, из угла к середине помещения за волосы вытащили сдавшуюся женщину. Она умоляла:

– Пощадите, простите. Я не с ними... Они меня заставили... Я прошу вас.

Вера узнала ее по голосу. Лицо с затекшими глазами и распухшим от недавнего клеймения гноящимся лбом мало походило на того человека, кому принадлежал этот голос. Вера спросила:

– Тетя Нина? Вы?

Она не могла поверить увиденному. С детьми тети Нины – Сашей и Машей – она часто игралась в холле и у себя дома. Их трупы она видела среди убитых, а на отсутствие их матери она не обратила внимание. Но неужели тетя Нина, которая почти стала ее приемной матерью, согласилась быть чистильщиком? Значит, она тоже убила кого-то из мегабанковцев. Может быть, Костика или Надю... или своих детей? Тетя Нина Вере никогда не нравилась, но она никогда бы не подумала, что та могла пойти на такое. Приговоренная узнала Веру:

– Верочка, доченька... Скажи им... Прошу тебя...

Вера молчала. Следователь зачитал приговор и предложил казнимой выбрать способ умерщвления. Та только кричала:

– Пощадите! Не убивайте! Я никого не убила, клянусь вам...

Следователь, сославшись на какой-то параграф, заявил:

– ... при отказе казнимого выбрать способ казни выбор остается на усмотрение следователя. Вам не будет больно.

Он взял женщину за шею. Та схватила руками его руку, но тут же обмякла. Через несколько секунд все было кончено.

Затем следователь потребовал осмотреть помещение. Командир спецназа слегка ткнул мечом ворох тряпья под топчаном, и оттуда выскочил мальчик. Он бросился к выходу, туда, где стояла Вера, но командир схватил его и отбросил к стене. Мальчик поднял с пола меч кого-то из убитых чистильщиков и, неуклюже держа его в дрожащих руках, вжался в стену. Командир, стоя перед мальчиком, сказал:

– Брось меч.

Мальчик не пошевелился. В отблесках догорающего костра Вера видела его лицо. Мальчику было лет двенадцать. Грязные волосы клочьями свисали до плеч. Сквозь грязь на давно немывом лице проступало клейменое распятие на лбу. Губы у него тряслись – он знал, что его ждет смерть. А командир убрал медлил:

– Меч брось, говорю.

Командир тоже знал, что мальчик будет казнен. Но он не хотел быть палачом. Несколько секунд следователь наблюдал это со стороны, потом подошел к убру и спокойно потребовал:

– Отойди!

Тот покорно отошел, а следователь сделал два молниеносных взмаха, и рассеченное тело, оставляя кровавый след, сползло по стене. Следователь повернулся к убру и бесстрастно выговорил:

– Еще немного, и я бы расценил ваши действия как неподчинение приговору следователя и возбудил бы дело в отношении вас. Какой вы пример подаете своим солдатам?

Командир убров молчал.

8

Они возвращались тем же путем. Поначалу чувство справедливого возмездия приглушило Верину боль, но когда они проходили мимо МегаБанка, весь ужас необратимой утраты навалился на нее с новой силой. Она стала плакать. Папа ей говорил: «Когда тебе грустно – молись. Когда тебе страшно – молись. Когда не можешь молиться – молись». Вера, всхлипывая, стала шептать молитву, сжимая в ладошке висящий у нее на шее крестик.

Следователь шел уже не впереди, а вместе со всеми. Услышав Верин шепот, он холодно спросил:

– Что ты делаешь?

– Молюсь.

– Кому?

– Богу.

– Какому богу? Тому же, которому молятся чистильщики?

– Нет, тому, которому молится... молился мой папа.

– Твой папа и чистильщики молились одному богу, читали одну Библию, носили одинаковые кресты и метили попасть в один и тот же рай.

Вера молчала. Недетские мысли медленно ворочались в ее голове. До сих пор она на веру принимала все, что ей говорил папа. Но папа часто ей говорил «не знаю». Следователь, похоже, знает все. Папа не смог защитить маму, сестру, брата, себя и всех, кто жил в поселке. Папа часто ошибался. Значит, он мог ошибаться и во всем остальном. Следователь, конечно, не ошибается никогда – он просто не способен допускать ошибки. Как мог Бог услышать молитвы чистильщиков и уничтожить их поселок? Значит, Бог помогает чистильщикам или... Следователь точно знает все. Вера резко спросила:

– Мои мама и папа в раю?

Следователь молчал.

– Ответьте, Бог есть?

– Нет.

– А что есть? Ведь кто-то помогает вам убивать чистильщиков. Что-то же есть такое?

– Есть! Сила и Закон!

Спокойные и уверенные слова следователя мигом выжгли в Верином сердце и без того сомнительную надежду увидеть «где-то там» своих родных. И все же ей стало спокойней. «Сила и Закон» – такие простые и вместе с тем мощные слова. Вера дернула со всей силы крестик, висевшей на ее шее на бечевке, имеющей множество узелков. Бечевка была ветхой, несколько раз рвалась раньше. Она сначала хотела выбросить крестик. Но потом, посмотрев на эту незамысловатую деревянную поделку, которую когда-то для нее, еще совсем крохотной, сделал отец, передумала. Она сунула крестик в карман и тут же нащупала ножик, подаренный ей убором, – предмет более ценный и придающий реальную уверенность, в отличие от этого деревянного перекрестья. С разрывом бечевки она порвала со всеми своими сомнениями и неожиданно сказала идущему рядом мужчине:

– Я хочу быть такой, как вы.

– Какой?

– Я хочу быть следователем.

– Женщины не бывают следователями.

– Я буду следователем, – уверенно сказала Вера.

– Хм-м... Посмотрим, – ответил следователь, прибавив шаг и дав тем самым понять, что больше не желает общаться с девчонкой.

* * *

– Куда мы идем? – спросила Вера, еле поспевая за следователем. Час назад он о чем-то переговорил с командиром убров и, забрав девочку, отделился от основного отряда. Они шли тесными переходами.

– Я веду тебя к своему знакомому. Ты же не хочешь в приют?

Вера, поборов стеснение, попросила:

– Сделайте меня своей дочкой.

– У следователей не бывает дочек.

– Как нет дочек? А сын у вас есть, или жена?

– У следователей не бывает ни сыновей, ни жен, ни дома. Не отставай...

– А что есть у следователей?

– У следователей есть Сила и Закон.

Следователь второй раз произнес эту магическую формулу.

II Диггеры

1

Следователь привел Веру на стоянку кочевых диггеров. Бригадир Антончик был удивлен поступком следователя:

- Кто тебе этот ребенок?
- Никто.
- Поясни.
- Ее родителей и весь ее поселок убили чистильщики.
- Они уже и на поселки нападают?
- Их становится все больше.
- Сначала ленточники, теперь чистильщики...
- Но вы ж не вмешиваетесь.
- Ты знаешь наши взгляды.
- Они неправильные...

Антончик примиряюще перебил следователя:

– Все-все... Не будем начинать старый спор. В конце концов, Республика оставила свободу диггерам, и мы к тому же являемся союзниками Республики.

– Это так, но в Республике бытует мнение о необходимости отмены этой свободы и принудительного присоединения бригад.

– По-моему, ты преувеличиваешь. Республика должна помнить, какую цену диггеры заплатили за победу в Последнем Бое.

– Во всяком случае, я это помню. Кстати, эту битву Последним Боем продолжают называть только диггеры. У нас принято называть ее Великим Боем, потому что он оказался далеко не последним. Ведь даже вы до сих пор воюете с ленточниками.

– Ленточники когда-то напали на нас. Мы знаем, что они угрожают Муосу, и поэтому по возможности истребляем их до сих пор. И ленточников мы не считаем людьми, людьми мы считаем тех, кем они были до вселения червей. И каждого убитого мы отпеваем – не ленточника, а того человека, которым он был до того, как стал ленточником. Но воевать с кем-то еще – нет! Диггеры – миролюбивый народ, мы ценим свободу, свою и чужую, и не хотим какой-то новой войны.

– Очень похвальный гуманизм, если не учитывать, что чистильщики вырезали весь поселок этого ребенка. Они не остановятся ни перед чем. И их становится все больше.

- Что ты сделал с этими чистильщиками?
- Казнил.
- Всех?
- Всех до одного, в соответствии с параграфом...

– Да не начинай ты мне свои параграфы пересказывать. Ты мне лучше скажи: среди тех, кого ты убил, все вступили в чистильщики по доброй воле или кого-то запугали, заставили?..

– Я тебе отвечу: в поселке девчонки было три десятка жителей. Они защищались, хотя их было меньше. Многих взяли в плен. Они приняли смерть, не дав поставить себе на лбу клеймо. И только одна переметнулась к ним. Ты, может быть, слышал: чтобы стать чистильщиком, нужно кого-то убить. Так вот, она это сделала, сделала с кем-то из своих соседей, а может быть, и родных. У нее что, не было выбора? Она чем-то отличалась от тех, с кем до этого ела хлеб?

- Это частный случай...
- А сейчас не то время, чтобы разбираться по каждому случаю: частный он или общий. На это и есть Закон! Перед ним все равны.
- А если бы меня затащили в чистильщики, ты б и меня убил?
- Тебя, Антончик, не просто убить. Но я бы постарался. И я уверен, что, стань я ленточником, ты бы сделал то же самое.
- Хм-м... Ну а девчонку ты ко мне чего привел? По Закону ты ее вроде в приют должен отвести.
- Она хочет стать следователем.
- Ты смеешься?
- Когда меня последний раз смеющимся видел?
- Но она же совсем ребенок. Да и не припомню я что-то женщин-следователей.
- В ней что-то есть.
- Хорошо. Ну а от меня ты что хочешь?
- Научи ее драться, научи слушать переходы, научи всему, что умеешь сам...
- ...чтобы она стала жрицей Закона, похожей на тебя? А если она потом не захочет идти за тобой; если она пожелает продолжить путь диггера?
- У нее останется выбор.
- Хорошо, друг... Постой, у тебя, кажется, не должно быть друзей... Хорошо, следователь, я постараюсь в нее вложить все, что могу. Вот только за привитие трепетной любви к Закону не ручаюсь.

2

Судьба свела нынешнего следователя Республики и бригадира диггерских бригад в пекле Великого Боя, сделав из тогдашних курсанта военных курсов и юного диггера двух боевых напарников. Кроме молодости, между ними не было ничего общего. Один начинал бой в центре строя землян в самом гараже, второй – в составе отряда диггеров в тылу ленточников. Через несколько часов кровавого ужаса, когда ленточники побежали из гаража, для них двоих все только начиналось. Оба оказались в одной из нескольких стихийно создавшихся групп преследования, в которые влились те немногие, кто остался живым и не покалеченным. И это преследование отчаянно сопротивлявшихся ленточников длиной в сутки для них было страшнее самого Великого Боя. Из группы выжили только они двое. Выжили и продолжали, сражаясь бок о бок, а порою и спина к спине, уничтожать ленточников до тех пор, пока оба не упали от усталости.

Они не стали друзьями – это определение было бы здесь неуместно. Они не считали себя должными друг другу. Они никогда потом не «поминали былое». После Великого Боя они встречались считанные разы, да и то почти не общались. Они не рассказывали друг про друга кому-то еще. Просто для двух молодых людей разных культур и разного мировоззрения, прошедших плечом к плечу через горнило смерти длиной в сутки, но не знавших друг о друге ровным счетом ничего, жизненной аксиомой стало абсолютное доверие друг другу. Доверие, не засоренное ни одним словом о доверии, дружбе и преданности. Они прекрасно понимали, что жизненные пути перед ними лежат разные, может быть, диаметрально противоположные. Но, если бы случился новый Великий Бой, каждый из них принял бы его со спокойствием, только бы оказаться в этом бою рядом друг с другом.

Для того чтобы встретиться с Антончиком, следователь привел Веру в Ментопитомник. Два дня, пока ждали прихода его бригады, Вера неприязненно осматривала это поселение диггеров с таким странным названием. Оно располагалось в бомбоубежище одного из факультетов Академии МВД в районе Степянки. По легендам, курсанты милицейской академии, в большом количестве спустившиеся под землю в день начала Последней Мировой, сразу же принялись устанавливать законность в подземельях. Благо, оружия у них было предостаточно. Они уничтожили несколько банд, поддерживали порядок и приостановили скатывание к дикости населения неметрошных поселений этой части Муоса. Ко второму году они уже подчинили себе все поселения Автозаводского и Партизанского районов. Но со временем безмерная власть растлила новоиспеченных блюстителей порядка. Управление скатилось к деспотизму, порядок гипертрофировался в беспредел. Одними из первых они вышли из-под контроля президентской власти. И уже через пару лет между экс-курсантами произошел серьезный раздор. Раздел власти между двумя группами перерос в открытый конфликт и закончился тотальной перестрелкой прямо в бомбоубежище. Число блюстителей закона после этой войнушки сократилось в разы. Уставшие от милицейского беспредела поселения, воспользовавшись ситуацией, захватили бомбоубежище. Выжившие курсанты милицейского вуза бежали и рассеялись по Муосу. В память о них осталось одно пренебрежительное название, которое потом стало просто названием без смысла. Ментопитомник переходил из рук в руки и после поднятого Великой Марго сопротивления стал столичным поселением свободных диггеров.

Ментопитомник – длинное и узкое помещение. До Последней Мировой бомбоубежище использовалось как тир. Даже сейчас на стенах кое-где просматривались облупленные изображения устройства пистолета Макарова и надписи о правилах стрельбы из него. Ментопитомник был стационарным жилищем оседлых диггеров, а также временной стоянкой для диггеров кочевых. Постоянно здесь жили диггеры из числа ремесленников, фермеров, врачей, те, кто еще (или уже) не мог передвигаться в составе кочевых бригад по малолетству, старости,

болезни, а также беременные и кормящие женщины. В поселке имелись некие подобию лазарета с роддомом и детского сада, где до пятилетнего возраста жили дети уходивших в кочевья диггеров. В примыкающих к бывшему тиру помещениях располагались кузнечная и скобяная мастерские, ферма по выращиванию свиней, которых кормили собранными в переходах лишайниками.

Вера, привыкшая к красиво украшенному жилью, к наличию в квартире хотя бы небольшого количества мебели и личных вещей, не могла поверить, что она находится в жилом поселении. Здесь не было ни одного стула, стола, кровати. Несколько небольших матрацев на полу для новорожденных и совсем уж маленьких детей – тех, кого еще не научили управлять своим телом. Даже старики и больные лежали на голом полу. Только на стенах имелось что-то из «обстановки»: вбитые шурупы и гвозди с висящими на них рюкзаками диггеров и несколько рядов полок с медикаментами, медицинскими инструментами, небольшим количеством посуды, книг, юбок – и все.

Таким же аскетизмом отличались и сами диггеры: ничего кроме юбок, секачей и рюкзаков с небольшим запасом еды и необходимых инструментов. И светящиеся грибы – эти фантастические порождения подземелий постъядерного мира. Светляки – так называли в Муосе эти похожие на плюшки полушария без корня – давали тусклый неоновый цвет и придавали освещаемым ими помещениям и людям какой-то нереальный призрачный оттенок. Именно этот свет привлекал к себе излюбленную пищу светляков – насекомых и слизней. Бедняги, словно замороженные невиданным свечением, заползали на гриб и сидели там, не замечая, как постепенно обволакиваются губчатой плотью светляка. Грибы лежали на полу и на полках, и фиолетово-голубой цвет делал помещение еще более холодным и неудобным. А «фиолетовые» диггеры обоих полов в коротких кожаных юбках казались Вере порождениями преисподней.

Вера не понимала, как так могут жить эти люди. Своим детским умом она поставила обитателей Ментопитомника по развитию намного ниже уровня жителей ее родного МегаБанка, исходя из простого сравнения внешнего вида поселений и их обитателей. Ей казалось, что они – хуже диких диггеров, потому что даже у тех была одежда, какие-то украшения-побрякушки.

На детей в их небрежных кожаных юбках, затянутых кожаным пояском на талии, она смотрела высокомерно. Ей казалось, что они должны с восхищением смотреть на ее льняной комбинезон с разноцветной вышивкой. Коротко остриженные девчонки-диггерши не могли не завидовать ее русым волосам, затянутым разноцветной тесемкой в хвост, спускающийся ниже лопаток. Но взрослым диггерам было равным счетом все равно: они не обращали на Веру и ее одежду никакого внимания. А малолетние дети, не видевшие людей в таких одеждах, рассматривали ее как странно вырядившееся пугало. Это еще больше бесило Веру и заряжало ее неприязнью к полуголым полудикарям.

Вера тогда еще не понимала, что именно диггеры наиболее жизнеспособны в условиях Муоса. Интуитивно они шли по буддийскому пути избавления от страданий путем отказа от желаний. Если весь Муос цеплялся за малейшую возможность отвоевать у жестоких подземелий и Поверхности хоть часть тех возможностей, которые были доступны человечеству до Последней Мировой, то диггеры решали проблему недоступности большинства благ другим способом – они отказывались от них.

3

Уходя, следовательно сухо напутствовал Веру:

– Хочешь быть следователем – сначала стань диггером. Не выдержишь – попросишь Антончика, он тебя переправит ко мне, я тебя передам в приют и для тебя все закончится.

Антончик принял Веру в свою бригаду. Он был старшим мужчиной в бригаде, ее бригадиром и бригадиром бригадиров диггерских бригад. В их бригаде, кроме Антончика, было трое мужчин, двенадцать женщин и семеро детей. Несмотря на то, что только единицы мужчин-диггеров вернулись с Последнего Боя, диггеры не приняли многоженства.

Кочевая бригада Антончика была флагманской. Они ходили по всему Муосу, встречались с другими бригадами, разносили новости, координировали действия. Если оседлые диггеры, подобные жителям Ментопитомника, имели аскетичное подобие дома, то у кочевых диггеров дома не было вообще. Они постоянно двигались, не оставаясь больше пары дней на одном месте. Правда, за время постоянных блужданий по Муосу у них появились десятки стоянок, где они чаще всего оставались на отдых на один-два дня. От других подземелий эти стоянки отличались лишь сравнительно большей безопасностью, но даже малейших мер к их обустройству диггеры не предпринимали.

По мере продвижения диггеры собирали слизней и лишайники, которыми питались. Кое-какие припасы они брали в свои рюкзаки из поселений оседлых диггеров. Кое-что подрабатывали проводниками при сопровождении республиканцев и жителей свободных поселений, а также при транспортировке через Муос их грузов.

И они все время учились: учили наизусть Поэму Знаний, тренировали тело, обучались рукопашному бою. Вера еще в Ментопитомнике запомнила, что больные и старые диггеры и даже беременные диггерши изучали Поэму и делали посильные упражнения, как будто в этом заключался смысл жизни.

После относительно сытой оседлой жизни в МегаБанке, где имелись теплая кровать, любимые вещи и свободное время, Вере было нестерпимо тяжело в бригаде. Ей дали кожаную юбку, выбросив, несмотря на ее протесты, ее красивую одежду. Антончик и старшие диггеры учили ее владеть своим телом, чтобы не чувствовать холода, а она ночами стучала зубами, лежа на голом бетоне, или украдкой подыскивала себе кусок картона или ветоши, чтобы хоть как-то укрыться. И все равно не могла заснуть. Ее учили перераспределять энергию тела, а у нее перед глазами плыли большущие вареные картофелины с мегабанковского поля. Ее заставляли наизусть учить Поэму Знаний, а ей хотелось рассматривать книжки с картинками, которых здесь не было, или просто посидеть в тишине, чтобы ее никто не трогал. От многокилометровых переходов босиком по переходам, многие из которых были подтоплены, у нее потрескались и болели ноги. Она плакала по ночам, не в силах больше терпеть такие лишения. Иногда она впадала в полудрему, и ей виделись мама, папа, Костик, она с ними разговаривала, жалуясь на свою жизнь; а они смеялись и говорили, что им уже хорошо.

Через месяц Вера сорвалась. Она нашла вблизи одного из селений кем-то брошенное или потерянное облезлое пальто. Как назло, часом раньше они проходили по полузатопленному коридору, и Вера сильно вымокла в холодной воде. Она укуталась в это пальто. Приятное тепло разливалось по телу. Настроение подымалось. Вера не обращала внимания на удивленные взгляды диггеров.

– Сними это, – потребовал Антончик.

– Зачем?

– Сними это, или ты потеряешь все, что постигла.

Вера не понимала, о чем говорит бригадир:

– Я ничего не постигла.

– Если бы ты ничего не постигла, ты бы давно умерла от голода или простуды. Я тебе еще раз повторяю: сними это! – бригадир потянулся, чтобы схватить за воротник, но Вера отпрыгнула от него и истерично закричала:

– Отстань от меня, отойди! Я его нашла – оно мое! Что хочу – то и буду носить!

Диггеры остановились и молча наблюдали за Верой, а та еще больше разошлась:

– Что смотрите? Как вы надоели мне со своей тупой поэмой и дурацкими упражнениями! Я есть хочу, я мерзну, мне надоело ходить!

Вера бы и дальше кричала, но Антончик развернулся и пошел. Диггеры спокойно следовали за ним. Вера осталась одна, глядя вслед уходящим диггерам. Сделав усилие над собой, она сняла пальто и бросила его под ноги. Она догнала цепочку уходящих диггеров и, опустив голову, пошла за ними.

Вера старалась не смотреть в глаза диггерам. Антончик сам подошел к ней и, положив ей на голову руку, тихо сказал:

– В ближайшем поселении Республики я тебя передам местному администратору. Там разыщут следователя, и он тебя где-нибудь пристроит.

На минуту Вера представила себе уютную уютскую комнату с веселыми добрыми детьми, где у нее будет теплая постель, настоящая еда; где она сможет учиться по учебникам и потом стать ученой, исполнив мечту своего отца. Но потом в ее памяти всплыло мрачное лицо следователя. Нет! – она просто не сможет смотреть ему в глаза. Нет-нет! Только не это. Вера стала умолять бригадира:

– Антончик, прости меня, прости, пожалуйста. Только не прогоняй меня. Мне нельзя туда. Мне с вами надо.

Антончик не поменялся в лице, тогда Вера обратилась к остальным:

– Я вас очень прошу: простите меня. Вот увидите: я стану диггером, не прогоняйте меня.

Антончик серьезно сказал:

– Ты сегодня в переходе подняла крик. Нам повезло, что нас не услышали враги или хищники. Следующая такая истерика может стоить жизни всем нам.

Он повернулся и пошел дальше. Вера, опустив голову, поковыляла за ним.

4

Вера с неприязнью смотрела на других детей-диггеров, которые, как будто издеваясь над нею, отлично выспались, наедались несколькими слизнями и могли часами с воодушевлением учить и повторять Поэму. К ней дети относились, казалось, равнодушно. Однажды, вмиг проглотив свою порцию слизней во время привала, она забилась в угол поплакать. Вера, откинувшись спиной к стене, смотрела на вытянутые распухшие ноги, думая, что не сможет больше на них встать. К ней подошел Жак. Парень был старше ее года на четыре; у него уже висели на поясе-юбке два секача, и он уже имел кличку. Со стародавних времен диггеры с момента посвящения во взрослые брали себе клички и никогда уже не произносили в общении друг с другом имен.

Жак присел возле Веры, положив себе на колени ее ноги. Она хотела психануть и отдернуть ноги, но ловкие пальцы сильных рук уже делали какие-то невероятные движения, «пробегаю» по ее икрам. Боль проходила. Казалось, что Жак выдавливает из ее ног боль и усталость. Заглянув в удивленное Верино лицо, он сообщил:

– Меня мать этому научила.

Вместо благодарности Вера быстро поднялась и рявкнула:

– Отстань.

Жак медленно встал и пошел к другим диггерам. А Вера больно закусилась губу. Она кляла себя за то, что оттолкнула единственного человека их племени, первым заговорившего с нею. Пересилив себя, она подошла к юноше и спросила:

– Как вы все не чувствуете голода и холода? Научи меня этому.

– А кто тебе сказал, что мы их не чувствуем? Мы же обычные люди.

– Но по вам этого не заметно.

– Так сделай, чтоб и по тебе заметно не было. Ты пойми, мой желудок, так же как и твой, хотел бы, чтоб в него запихнули больше еды. Мое тело, так же как и твое, не прочь понежиться в тепле. Но дух диггера сильнее тела. Диггеры переступают через себя, не допуская себе никаких слабостей. Это – залог нашего выживания. Мы игнорируем свое тело. Со временем, если поймешь главное, ты научишься выключать в своем теле то, что тебе не нужно или что беспокоит. И еще, чтобы в голове не застревали мысли о еде, мозги надо постоянно прочищать другими мыслями.

– Это как?

– Ну вот ты зачем к нам пришла? Я так думаю, в приюте тебе было бы лучше.

– Меня следователь к вам привел, чтобы я научилась всему, что умеете вы.

– Значит, эта мысль должна быть у тебя главной. Ты должна подыматься и засыпать с одной мыслью: научиться, научиться, научиться. Учи поэму, учи отключаться, учи управлять собой. Со временем начнешь учиться бою с секачами.

Вера сказала:

– Прости меня за грубость.

– Забудь. Я вижу, что тебе тяжело. В диггеры в таком возрасте редко кто приходит. А если и приходят, то почти никто не остается... или не выживает.

– Ты сможешь мне выжить?

Жак кивнул.

Диггеры – сами по себе народ дружелюбный. Но у Веры появился в их бригаде самый настоящий друг. Он относился к ней как старший брат. Иногда ей казалось, что Жак – это перевоплотившийся Костик. Антончик пообещал следователю, что лично будет заниматься с Верой. Но она его сторонила, зато потянулась к Жаку. Жак был еще юным, но уже достаточно опытным диггером, и поэтому Антончик охотно перепоручил ему обучение Веры.

По совету Жака Вера сконцентрировалась на мысли о том, что ей надо быть готовой к приходу следователя. В том, что он за ней рано или поздно придет, она не сомневалась. И она должна научиться всему, что умеют диггеры.

Она овладевала искусством управления сознанием и телом. Особенно тяжелым было первое. Она часами очищала свой мозг от мыслей. Вначале та цель, которую ей описывал Жак, казалась ей недостижимой: как она ни старалась, мысли все равно роились, словно тучи назойливых мух. Когда же последняя «муха» покидала пределы черепной коробки, сознание чистым оставалось лишь считанные мгновения. Малейший звук или тень эмоции – и ветхий барьер ломался: мысли бешеным смерчем снова врываются в голову. Лишь через долгие месяцы тренировок Вера почувствовала, как ее сознание начинает ей подчиняться: упираясь, бросаясь пригоршнями мыслей, но все-таки подчиняться. Пребывая в чистом сознании, диггер мог сконцентрировать себя на какой-то одной мысли. Например, учить объемную Поэму Знаний, содержащую в сжатом виде основные научные знания; причем не просто заучивать ее наизусть, а проникать в суть аксиом, теорем и законов. Не владея учебниками и пособиями, не имея малейшей возможности эмпирической проверки получаемых знаний, диггер знал, как устроена живая клетка, какова реакция алюминия при пролитии на него соляной кислоты и каков механизм ядерной реакции, как будто он все это наблюдал своими глазами в напичканной современными приборами лаборатории накануне Последней Мировой.

Несколько лет спустя Вера спросила Жака:

– Зачем все эти знания диггерам? Это ведь совсем не помогает защищаться от врагов, ходить по переходам и добывать пищу.

– В этом наше предназначение. Великая Марго – основатель свободных диггеров – завещала нам стать народом, хранящим знания. Пока диггеры будут существовать, мы будем передавать эти знания новым поколениям. Когда-то они обязательно пригодятся.

– Но в библиотеках Центра все равно больше информации, чем в вашей Поэме знаний. Их ученые все равно знают больше, чем знаете вы.

– Республика и Центр заняты решением сиюминутных проблем. Их интересуют знания, которые могут давать пищу и лечить от болезней. Такие знания они берегут и даже делают кое-какие открытия. Но фундаментальные, систематизированные знания, накопленные человечеством, жившим на Поверхности, утрачиваются. Я не уверен, что сейчас кто-нибудь из ученых Муоса сможет более или менее последовательно изложить теорию относительности. Возможно, там уже нет письменных упоминаний об этом открытии. Но, пока живы диггеры, эта теория будет известна людям. Несмотря на последние успехи, Республика, а остальной Муос – особенно, по-прежнему дичают. Люди не желают учиться. Инспекторат Республики требует от лабораторий максимальной практической отдачи, а не глубинных исследований. Знания утрачиваются. Когда-то, через пятьдесят, сто, двести лет, диггерская Поэма Знаний станет основой для нового всплеска науки. То, что мы держим в своих головах, будет подарком одичавшему человечеству, вернувшемуся на Поверхность. Все это пришлось бы достигать долгие тысячелетия. Конечно, наши знания тезисны. Но доработать теорию в сотни раз легче, чем ее разрабатывать.

– У вас грандиозные планы, – с недоверием подытожила Вера.

Вера не разделяла оптимистичные взгляды Жака. Но Поэму она учила. Часами, сидя на голом полу, погрузившись в отрешенный транс, она со всеми повторяла сухие тезисы диггерской науки.

Одновременно Вера старалась овладеть другим мастерством – управлением своим телом. Она уже не так сильно мучилась от холода и недоедания. Она могла заставить себя не думать об этом. Но изгнание мыслей о потребностях тела облегчало, а не изживало полностью ее страдания. Она научилась спать на голом полу, но это был скорее не сон, а беспокойная дрема, в которой сознание непрерывно боролось с ломящимися в него тревожными сигналами тела.

Вера была истощена: она с брезгливой тревогой проводила рукой по выступающим ребрам на своей груди. Голова у нее кружилась, ноги еле шли. Желудок истошно требовал наполнения. Вера жаловалась Жаку:

– Я больше не могу. У меня нет сил.

– Ты тратишь много энергии. Скоро ты научишься отключать в своем теле то, что тебе не нужно.

– У меня ничего не получается. Я скорее умру.

– Не умрешь. Твои инстинкты не подчиняются сознанию. Но когда твое тело «поймет», что дальше – смерть, оно сдастся.

Жак был прав. Когда Вера, уже совсем истощенная, погрузилась в ночную дрему, ей показалось, что душа покидает ее тело. Она пыталась удержать себя в своей голове, перекатив туда все свои ощущения. И она поняла, что не чувствует тело, не чувствует холода, голода. Ей было хорошо, и она в первый раз нормально заснула. Теперь она могла отключать в себе то, что ей не нужно. И могла не обращать внимания на капризы собственного организма.

У Веры обострились зрение и слух. Она видела в темноте на десятки метров. За сотню шагов она могла услышать упавшую каплю и определить, сколько поворотов по коридору пролетел звук, пока достиг ее уха. Она научилась бесшумно ходить. Она научилась читать знаки на полу, стенах и потолке. Оказывается, за десятилетия подземной жизни люди оставили на стенах неисчислимое множество следов: от похабных надписей, начертанных подростками сразу после Последней Мировой, до сложных зашифрованных диггерских обозначений; от следов обуви на наслоении песка до касательных царапин арбалетных стрел.

Овладение телом было лишь этапом к самой вожделенной для Веры ступени диггерского мастерства. Она ждала момента, когда возьмет в руки секачи. Она зачарованно смотрела на других диггеров и особенно Жака, когда они танцевали завораживающий танец с секачами. Казалось, вся энергия подземелий в этот момент вливается в неутомимо кружащиеся волчки, в которых превращались диггеры во время ката с оружием. Диггер с секачами – это не просто диггер с секачами. Это – иная ипостась, гармоничное сочетание плоти и смертельного оружия. Движения опытного диггера абсолютно гармоничны, и в то же время они все время асимметричны: казалось, что ни одна позиция и ни одно движение не повторяются дважды. Диггер постоянно перемещался в трех проекциях: он двигался по полу, крутился, опускался почти до уровня земли и подпрыгивал, а иногда делал несколько шагов по отвесной стене перехода, вздымаясь над невидимым врагом. Танец диггера со стороны казался просто танцем: боевые выпады рук танцующего почти незаметны. И лишь видевший диггера в бою знал, что каждое из этих движений смертельно опасно для врага.

5

Вере казалось, что диггеры в своем умении ведения боя в переходах непобедимы. И она не могла понять линию поведения диггеров – они почти всегда избегали боя. Вере запомнился один случай. Они шли по переходу где-то в районе Дражни. Впереди шла Зоя. Она быстро набросила на светляк накидку, чтоб его не было видно в темноте. Вера уже знала, что это значит, и прислушалась. По переходу, в двух-трех изгибах от них, навстречу кто-то шел. По едва слышным шагам босых ног Вера определила: идущих четверо, и это не диггеры. Трое шли размеренно, четвертый – семенил ногами. Диггеры бесшумно отступили назад и скрылись в ближайшем ответвлении перехода, вжавшись в стену. Вера знала: диггеры будут защищаться только в том случае, если неизвестные зайдут в ответвление, где они стояли. Но четверо с факелом прошли мимо. За полсекунды, пока они проходили мимо ответвления, Вера рассмотрела диких диггеров: доходяжные, волосатые, грязные, с дубинами в руках. Трое мужчин вели связанную женщину, такую же худую и грязную. Скорее всего – провинившуюся соплеменницу. В племенах диких, скатившихся до полуживотного состояния, женщины приравнивались к домашним животным, предназначенным для работы, секса и воспроизводства племени.

Дикие прошли дальше. Когда они удалились шагов на сто, между ними что-то произошло. Послышались примитивные злобные слова одного из диких:

– Ди, ба! Би, ба!

Вера, уже знавшая нехитрую лексику диких, насчитывавшую пару сотен слов, перевела для себя: «Иди, баба! А то бить будем!». Женщина закричала:

– Отпустите меня, пожалуйста! Ну не надо! Возьмите меня, а потом отпустите! У меня – дети маленькие!

– Кри не, ба! (Не кричи.)

В тот же момент послышалось несколько глухих ударов. Женщина иступленно закричала, а дикие, продолжая избивать дубинами несчастную, подбадривая друг друга, кричали:

– Би, ба! Би, ба!

Вера недоумевала. Она слышала ровное дыхание диггеров, стоявших с ней в ответвлении. Им все равно? Она чуть не рванула не выручку избиваемой, но поняла, что уже поздно. Жертва первое время только хрипела, а потом перестала издавать звуки. Было слышно, как дикие протаскивали несколько метров по полу тело, потом один из них рявкнул:

– Бра ба не. Бра том. (Не бери женщину, заберем потом.)

И они пошли дальше, бросив тело. Когда уходивших не стало слышно, светлые диггеры вышли из своего укрытия. Они подошли к труп, осветив его светляками. На женщину было страшно смотреть: все тело ее превратилось в сплошную окровавленную гематому, причем побои были и недавние, и уже начинавшие заживать. На ней были остатки комбинезона – такую одежду носили на бывших партизанских станциях Республики. Никаких документов и записок при ней не оказалось, вещей тоже – все позабыли дикие.

Судьба пленников диких диггеров была незавидна. Дикие всех захваченных в плен отдавали на съедение змеям или же съедали сами. Еще хуже было пленницам – перед съедением их насилвала вся мужская часть племени. Видимо, и эту беднягу вели скормить змеям. Да только она не хотела идти, и поэтому ее убили, чтобы отдать змею труп. Дикие куда-то спешили, но намереваются за телом вернуться.

По команде Антончика труп подняли и понесли. Где-то в слепых ответвлениях коридора нашли брешь в бетонном полу, выкопали яму и закопали погибшую. Зоя, являвшаяся и священником бригады, ее отпела.

Вера молча, с доходящим до отвращения непониманием наблюдала происходившее. Когда они отходили от могилы, она резко спросила у Жака:

– Почему вы дали ее убить?

– Не понимаю смысла твоего вопроса. Они убили ее, потому что они – дикие. При чем тут мы?

– Это я тебя не понимаю! Если бы вы раньше узнали, что она не дикая, а пленница, вы бы все равно не вмешались? Вы же могли их в два счета перебить.

– Ну, во-первых, я знал, что она не дикая, еще тогда, когда они приближались. У нее походка отличалась от походки диких. Во-вторых, почему мы должны вмешиваться? Они ведь на нас не нападали.

– Ты и вправду так думаешь или издеваешься надо мной?! Тебя абсолютно не волнует, что убили беззащитную женщину?

– Нет, мы все скорбим... Мы ее отпели, помолились пред Всевышним за нее... Но мы не должны были вмешиваться. Она – не из диггерских бригад, и они не нападали на диггерские бригады. У нас нет никакого права выступать против них. И вообще, что ты предлагаешь? Убить троих ради спасения одного? И поставить тем самым под угрозу безопасность бригады? Нет, у нас другие задачи, и война в их число не входит.

– Мне кажется, вы – бездушные трусы; я была о диггерах лучшего мнения. А вы, оказывается, заботитесь только о себе.

– Ты не понимаешь, что говоришь. Но меня лишь тревожит, что ты потеряла над собой контроль.

Вера замолчала. Она согласилась с Жаком, но лишь в том, что потеряла контроль над собой. Она быстро изгнала из себя жалость, негодование и всю палитру эмоций, вызванных происшедшим. И трезвым остывшим умом все обдумала. Еще недавно ее посещали мысли на всю жизнь остаться диггершей: ей уже нравилась их свободолюбивая аскетичная жизнь, являющаяся восхождением на пути к совершенству духа и тела. Но теперь она на диггерство взглянула под другим углом. Бригады ей показались до циничности заикленными лишь на своем благополучии. Они не шевельнут и пальцем, чтобы оказать помощь Республике или другим кланам Муоса. Это свидетельствует лишь об одном: диггеры имеют далеко идущие планы. Со слов Жака, они уверены в неминуемом одичании всего населения Муоса, сами же постоянно совершенствуются, оставаясь при этом как бы в стороне. Они себя считают высшей кастой и намерены в будущем наследовать Муос. Рано или поздно так и произойдет. Кто знает, возможно, через десятилетия диггеры изменят свою миролюбивую политику и просто добьются, а то и превратят в рабов население ослабевших варварских поселений. Нет! Вере однозначно не по пути с диггерами.

Она опять вспомнила следователя. Она не сомневалась, что в данной ситуации тот, быстро сориентировавшись в своих параграфах, вынес бы дикарям смертный приговор и спас бы несчастную республиканку. Вера окончательно и бесповоротно приняла решение стать следователем. Никому из диггеров она этого не скажет, даже Жаку. До прихода следователя она с удвоенной силой будет овладевать искусствами диггеров, достигая максимального совершенства. Но ей с бригадами не по пути, их цели – не ее цели!

И раньше Вера холодно относилась к вере диггеров. Их упрощенное модифицированное православие для Веры, давно уже знавшей, что Бога нет, было пустой фантазией. После хладнокровного отпевания диггерами убитой с их молчаливого согласия партизанки Вера стала ненавидеть их трусливую веру. Хотя она продолжала отстраненно участвовать в ритуалах диггеров и чтении Библии, ей было тяжело скрывать свою неприязнь к Зое – воплощению диггерской религии в их бригаде.

Зоя, пожилая морщинистая старуха, видевшая саму Марго, здесь считалась не только исполняющей роль священника. Диггеры считали ее пророчицей, с которой говорит сам Бог. К ней приходили со всех бригад за советом, благословением и просто «добрым словом».

Едва скрывая насмешку, Вера раз спросила у Жака, указав на Зою, которая в этот момент сидела в позе лотоса с закрытыми глазами и смешно двигала беззубым ртом, как будто что-то жевала:

– А как Зоя общается с Богом?

– Я не знаю.

– А что, она об этом вам не рассказывает?

Вере хотелось едко спросить «не хвастается?», но она задала вопрос в более сдержанной форме.

– Да нет. Зачем об этом рассказывать? Да и разве можно сокровенные тайны передать словами? Важно само пророчество, а не способ его передачи людям.

– Но кроме проповедей о том, что люди теряют веру и их из-за этого ждут беды, я никаких пророчеств от нее не слышала.

– Зоя по внушению Бога складывает Песню, и эта Песня станет самым главным пророчеством диггеров, которое мы потом понесем в поселения – всем людям Муоса.

– О чем эта песня? И когда мы ее услышим?

– Когда будет угодно Богу. Зоя сообщила о том, что начала складывать песню, когда я был еще ребенком. А когда она закончит этот труд – не знает даже она. Но пока не придет время, мы не услышим из этой песни ни слова.

6

Единственными врагами диггеров, с которыми они открыто вступали в борьбу, по-прежнему оставались ленточники. Вымирающая раса, преследуемая всеми кланами Муоса, влачила жалкое существование в самых дальних и убогих углах подземелья. Ленточники по-прежнему совершали набеги на слабые поселения и незащищенные конвои восточнее станции «Московская», но захватить и «облагородить» новых пленников им удавалось все реже. Рождение и пленение новых носителей не перекрывало количество погибающих ленточников.

Бригада Антончика сопровождала торговый обоз Республики от станции «Парк Челюскинцев» к дальним поселениям в районе Зеленого Луга. Трое республиканцев тащили по узким переходам тяжелый электрогенератор на тележке. Антончик поднял руку. Вера уже сама слышала, что впереди в нише кто-то есть. Слабое шуршание и перешептывание прячущихся в засаде не было слышно республиканским рабочим, и они недоуменно переглядывались, на всякий случай испугавшись настороженности диггеров.

Антончик знаками показал отходить. Он пока не желал вступать в бой лишь потому, что не знал, кто находится в засаде. Скрип удаляющейся тележки и топот тяжелой обуви республиканцев был услышан прячущимися. Они выскочили из засады, намереваясь догнать уходящую добычу. Кто-то из них крикнул:

– Стойте, несчастные!

Эта фраза выдала в нападавших ленточников. Диггеры сразу поменяли свое решение отступить. Ленточники зажгли факелы. Их было человек пятнадцать: мужчины и женщины. Уже давно диггеры не встречали такой большой группы. Антончик, Жак, Зоя и остальные диггеры метнулись вперед. Ленточники закричали:

– Это диггеры! Уходим! Во имя хозяев! Уходим!

Они боялись диггеров как смерти. Собственно, диггеры и были верной смертью для ленточников. Ленточники сделали несколько неприцельных выстрелов из арбалетов и побежали по переходу прочь от диггеров. Трое больных сразу стали отставать, и через несколько секунд их остановили смертельные удары секачей по затылкам и спинам. Вера с другими подростками оставалась возле республиканцев с их тележкой. Но она знала, что дальше по переходу – несколько канализационных разветвлений. Ленточники однозначно попытаются разбежаться по сторонам, хотя вряд ли это им поможет.

Через полчаса все диггеры вернулись. Один был несерьезно ранен. Она спросила у Жака:

– Ушел кто-нибудь?

– Не думаю.

7

Диггеры всю жизнь обучались, потому что это был их образ жизни. Делали они это старательно, но неторопливо. У Веры были другие цели, и диггерские науки она постигала как одержимая. Поэму Знаний она могла пересказать уже через полтора года. Управлять своим телом на уровне среднего диггера научилась к двенадцати годам. И уже через полгода ей вручили пару секачей.

Вера, сев на пол, положила секачи перед собой и, как замороженная, смотрела на эти смертельно опасные атрибуты взрослого диггера. Приложенные друг к другу, они составляли стальной круг с восемью отточенными лучами-лезвиями – как солнце, каким его рисовали в детских книжках. В месте слияния «лучей» – щели для задержания клинка, удар которого парирует диггер. В основании каждого из секачей – утолщение-ручка, и над ним – паз для кистей рук. Секач похож на кастет, к которому припаяли большой стальной транспортир, а затем наклепали пять лучей-ножей. Только выглядело это оружие изящно, почти как произведение искусства. Диггеры-кузнецы долгие месяцы по специальным технологиям осуществляли ковку секачей. И свою пару секачей диггер должен был пронести через всю жизнь. А когда диггер умирал или погибал – хоронили его вместе с его секачами. Случаев утраты диггерами секачей не было.

На секаче не гравировались никакие украшения, кроме имени нового диггера, которому они вручались. На секачах Веры, чуть выше пазов, в которые продевались пальцы, было выгравировано: «Стрела». Такое имя-прозвище она выбрала себе, и только таким именем теперь ее будут называть диггеры.

Начались изнурительные тренировки владению секачами. Часами Вера с другими диггерами разучивала движения, выпады, связки ударов и полные ката. Не меньше часа в день длились спарринги. Для этого диггеры использовали деревянные макеты секачей и деревянные мечи, имитирующие оружие воинов остального Муоса. Удары палками и секачами наносились во время спарринга почти в полную силу и были очень болезненны. За первые месяцы спаррингов тело Веры «украсили» десятки синюшных полос и даже порезов, причиненных деревянными макетами. Но она уже умела превозмочь свою боль и не останавливаться даже после оглушающего удара деревянным оружием в голову.

Во время спарринга с Жаком Вера заметила, что тот наносит удары ей в полсилы, явно жалея свою подругу. Вера владела оружием хуже. Но теперь кроме обычного желания победить в поединке у нее появился дополнительный стимул выиграть – она хотела отбить у своего инструктора желание относиться к ней со снисхождением. Вера не раз проигрывала в своей голове их учебные бои и выискивала, где в защите ее оппонента имеется брешь. С горечью Вера пожалела о том, что у нее не три руки, или...

В один из спаррингов Вера и Жак дрались на секачах. Вера чувствовала, что Жак ей, как обычно, поддается. Он более чем удачно парировал все ее удары и зачастую оказывался в положении, когда мог запросто нанести болезненный ответный удар, ничем не рискуя. Но Жак как бы случайно упускал выгодный для себя момент, давая фору своей сопернице. В один из таких моментов Вера изловчилась и нанесла Жаку удар ногой в пах. Жак, задыхаясь, согнулся на секунду, но тут же, поборов боль, разогнулся и стал в боевую стойку:

– Я что-то не понял...

Недоумение Жака было понятно: классический бой диггера ограничивался нанесением ударов секачами. Никогда диггеры не задействовали во время боя ноги.

Вера видела, как на лице Жака проступил холодный пот – все-таки боль он борол с большим трудом. С максимальным равнодушием она ответила:

– Дерись нормально, как со всеми. Не надо мне подыгрывать.

В этот раз Вере пришлось очень тяжело. Удары деревянными секачами загнали ее в угол помещения, в котором они спарринговали. Жак вошел в боевой транс и сражался с ней как с реальным соперником. Вера пропустила уже несколько ударов, и на ее теле появились неглубокие, но болезненные кровоточащие раны. Вера попыталась еще раз нанести Жаку удар ногой в пах, но тот поставил секачом блок, и ступня больно ударилась об острия деревянного макета. Отогнав боль, Вера продолжала отражать удары секачей Жака и в какой-то момент нанесла новый удар ногой, теперь уже по ногам диггера. Жак не удержался на ногах и упал. Вера тут же подпрыгнула, рухнув ягодицами на грудную клетку Жака, и приставила к его шее секачи. Спарринг был окончен.

Все диггеры, и даже Антончик, внимательно следили за этим боем. Поднимаясь с пола, Жак сказал:

– Ты дважды, вернее трижды, применила запретный прием. Ты дралась ногами.

– Кто запретил драться ногами?

– Великая Марго так не дралась. Именно она стояла у истоков боевого искусства диггеров.

– Вот именно: стояла. Но разработанная ею система боя лишь отдаленно напоминает современные боевые приемы диггеров. Ведь они постоянно совершенствовались.

– Да. Но ногами она не дралась вообще.

– И она кому-нибудь запрещала драться ногами?

– Ну, я не знаю...

В спор вмешался Антончик:

– Стрела права. Если ей удобней драться ногами, пусть дерется. Запрета на бой ногами никто не налагал, и я не вижу смысла делать это. Тем более, результат налицо. Запрет я налагаю только на нанесение ударов в пах.

Несмотря на разрешение Антончика, диггеры встретили это нововведение неприязненно. После этого случая каждый диггер дрался с Верой как с личным врагом, стараясь проучить выскочку. Несмотря на все увеличивающееся количество «тренировочных» ранений, жесткие спарринги только оттачивали мастерство Веры. Правда, диггеры уже внимательно следили за ее ногами, и провести успешный удар ей удавалось все реже.

Вера самостоятельно начала разрабатывать приемы ударов ногами. Она делала растяжку, тренировала держание ноги на весу, придумывала и отработывала маховые и толчковые удары. Во время одного из спаррингов она крутанула «вертушку», нокаутировав дравшегося с нею диггера. Все чаще и чаще у нее получались успешные подсечки, удары по почкам и в голову. У нее было явное преимущество: к двум своим секачам, которые были и у ее соперников, она добавила еще два мощных инструмента боя – свои ноги, которые у соперников были не задействованы.

Через несколько месяцев у Веры в бригаде остались только два серьезных противника – Антончик и Жак. Она стала замечать, что и другие диггеры пытаются в спаррингах задействовать ноги. Ее нововведение было принято. Но так работать ногами, как она, не мог никто.

Постепенно временная неприязнь к ней диггеров их бригады проходила. Вера становилась все более уважаемым диггером. Первоначальная цель ее прихода в бригаду была занесена толстым слоем впечатлений, успехов, своеобразной диггерской романтики, соединившей в себе лучшее от вольной жизни североамериканских индейцев, монгольских кочевников и буддийских монахов. И если бы за ней не вернулся следователь, она бы не пожелала сходить с пути диггера. Но следователь за ней вернулся.

III Урочище

1

Следователь ждал их в Ментопитомнике. За эти годы он почти не изменился, разве что седины на голове стало больше, да четче прорезались морщины над его переносицей, а в остальном – это тот же следователь, который пришел в МегаБанк почти пять лет назад.

Следователь же едва узнавал Веру. От прежней сопливки остались только любопытные зеленые глаза. Ее вытянутое лицо с торчащими скулами и синевой под глазами трудно назвать миловидным. Зато нос у нее был удивительно прямой: не было ямочки выше переносицы, и казалось, что начинается нос прямо ото лба. Это делало ее лицо каким-то величественным, похожим на лик древней богини. Давно обрезанный пышный хвост сменили нерасчесанные ключья русых волос, спускавшиеся чуть ниже мочек ушей. Следователь быстро осмотрел тело девушки. Выступающие ключицы и ребра, худые, но жилистые руки и ноги, маленькие крепкие груди, сбитый в один мускулистый бугор живот. И все тело покрыто царапинами, синяками, ссадинами. Внешний осмотр девушки следователя удовлетворил, и он снова заглянул в лицо девушки, а в нем было самое главное: Вера смотрела прямо и уверенно, на лице была написана решительность и огромная сила воли. И она была рада встрече.

Следователь подметил, что в дверь Вера вошла третьей, причем это была не случайность. Она явно не последний человек в этой бригаде. И следователь обратил внимание на кое-что еще: диггеры не отреагировали на его появление, за исключением самой Веры и какого-то бородатого юноши. Но если Вера была ему рада, то юноша выдавал явную неприязнь к гостю.

Следователь не стал любезничать с Верой. Он сразу же, не поздоровавшись, задал вопрос Антончику:

– Как она?

– Она – диггер... Один из лучших.

Следователь удовлетворенно кивнул и, едва повернув голову к Вере, спросил:

– Со мной идешь?

Вера не спешила отвечать. Она уже умела скрывать свои эмоции, и никто не заметил того головокружительного водоворота в ее голове, сотворенного столкновением двух противоположных течений мыслей.

Рядом с ней находилась ее бригада, ставшая новой семьей. За спиной – сотни километров переходов и туннелей, которые принадлежали ей. Она научилась любить эту загадочную неопределенность пути диггера, бесконечность переходов, ауру подземелий. Она прониклась восхождением по пути к физическому и духовному совершенству. Ее не манили станции и поселения большого Муоса с их суетой, жестокостью и извечными противоречиями.

Но она помнила то, что произошло в МегаБанке. Она понимала, что диггеры редко видят Зло, потому что научились его избегать. Но это не значит, что Зло перестало существовать; оно пронизало весь Муос и пьет из него жизненную силу, пока не высосет всю. Десятки тысяч людей на станциях, в бункерах и поселениях стенают и мучаются. А диггеры даже не пытаются им помочь. Теперь же перед ней стоял следователь, который когда-то хладнокровно уничтожил тех, кто уничтожил ее семью. И рядом с ней стояли те, кто также хладнокровно наблюдал убиение дикими бедной республиканки. Нет, свой выбор она сделала давно, еще по пути к диггерам. Она ответила:

– Да, я иду с вами.

Следователь кивнул. Антончик не проявил никаких эмоций, зато Жак не выдержал:
– Вера! Ты же диггер! Ты не можешь так вот просто оставить свой путь и уйти непонятно куда. Ты для меня... для нас много значишь. Ты предаешь нас... Мы же вырастили тебя, передали тебе свои знания... Ты должна остаться...

В порыве Жак схватил Веру за руку, но Вера отстранилась от него:

– Ты теряешь контроль над собой, Жак. Мой путь не с вами. Я ухожу.

2

После выхода с Ментопитомника следователь не проронил ни слова. Когда они подошли к Академии Наук, Вера не выдержала и спросила:

– Куда мы идем? В школу следователей? В Университет?

– Нет, туда – рано.

Это была вся информация, которой поделился следователь о конечной цели их пути.

Они вошли на Академию Наук. Вера раньше никогда не была на станциях метро; до трагедии МегаБанка она не покидала стен родного поселения. Бригады диггеров старались обходить поселения Республики стороной. Быть может, у диггеров это такое же неофициальное табу, как выход на Поверхность. А может, они боялись большого и открытого пространства станций, где все их преимущества бойцов узких переходов были неприменимы. Если надо было о чем-то переговорить или чем-то обменяться с жителями станции, диггеры останавливались у внешнего дозора и решали все проблемы прямо в туннеле. Но даже сами туннели метро не переставали Веру удивлять. Широкие и длинные, почти прямые подземные магистрали обладали необъяснимой притягательной силой. Чуткий слух диггера улавливал в них, помимо обычной палитры звуков, какую-то особенную, не свойственную неметрошным коммуникациям, едва слышную мелодию. Может быть, это были отголоски сквозняков и подземных вибраций. А может, сами туннели пели грустную песнь построившей их цивилизации, для жалких огрызков которой они стали последним убежищем. Туннели Веру манили, казалось, они ведут в иной мир, полный тепла, гармонии и благополучия. Пока Антончик решал свои вопросы с дозорными какой-нибудь станции, Вера до боли в глазах всматривалась за спины дозорных, как будто она могла рассмотреть великолепие огромного поселения, звуки которого доносились до ее обостренного слуха. Но вслух о своем желании побывать на станции метро она не делилась ни с одним из диггеров.

И вот она вошла на Академию Наук. Гигантский параллелепипед стометровой длины и десятиметровой ширины был под потолок застроен жилищами, мастерскими, общественными помещениями. На этой станции, входившей в Восточный сектор Республики, еще просматривались следы прежних хозяев – ленточников. Большинство убогих жилищ так и не перестроили: не было средств, да и желания особого тоже не было. Республиканцы свою станцию прибирали более регулярно, но ее кричащая дикость по-прежнему резала глаз. Лишь закопченные колонны квадратного сечения с мраморной отделкой внизу, да арки под потолком – остатки бывшего величия данного сооружения. И даже они едва просматривались за дырявыми стенками уродливых построек, сделанных из грязного картона, кривых досок, рваных тряпок, гнилой фанеры и ржавой жести. Переселенные сюда республиканцы не демонтировали массивные клетки, использовавшиеся ленточниками для содержания пленников-ученых и тех, кто дожидался публичного осчастливливания. Такой жест для них был бы слишком расточительным. Клетки обвязали каким-то тряпьем и кусками картона и превратили в мастерские. А одну – самую маленькую – так и оставили в качестве местного изолятора для провинившихся. Даже крюки с блоками на потолке – орудия казни ленточников – приспособили под подъемники для разделки туш. О бедности этой станции говорило лишь то, что всего несколько жилищ были покрашены по современной моде Муоса разноцветными красками.

Вид Академии Наук разочаровал Веру. Не добавили настроения и местные жители. Их было здесь чуть больше двух сотен. Восторг от победы над ленточниками давно прошел. И люди снова столкнулись с врагами, которых невозможно убить в бою: с голодом, с болезнями, с радиацией и с отчаянием. Одевались местные республиканцы, конечно, лучше ленточников, но намного хуже, чем одевались жители родного МегаБанка. Это было тем более удивительно, если учесть, что именно Восточный сектор Республики специализировался на производстве

льна. Парадокс объяснялся системой «равноправия» территорий и «прогрессивными» экономическими отношениями, установившимися в Республике после ее создания. Эта система развивалась годами и окончательно закрепилась введением денежной системы. Именно круговорот льняного сырья и льняной продукции был наглядным примером перекоса в экономике и политике Республики.

Десятки полей вдоль бывшего центрального проспекта Минска являлись основным источником сырья для изготовления тканей в Муосе. Для того чтобы выходить на поверхность, восточенцы закупали в центральном секторе или попросту Центре скафандры. Громкое слово «скафандр» совсем не соответствовало тому, что оно обозначало – обыкновенный комбинезон из прорезиненной ткани с герметично припаянными к штанинам резиновыми сапогами. На голову надевалась маска из такой же прорезиненной ткани, с двумя стеклянными окулярами и сменными ватно-марлевыми фильтрами для дыхания. Конечно, были скафандры более совершенные, двухслойные, со свинцовым напылением, со шлемом и с отличными адсорбирующими фильтрами. Ими пользовались сталкеры и исследователи. Но у нищих восточенцев не хватало средств на их покупку. Поэтому они закупали в больших количествах относительно дешевые поделки, которые давали лишь отсрочку от лейкемии и рака.

В тесных неудобных скафандрах они распахивали поля: двое тянули плуг, а один им управлял. Засевали лен, потом его собирали и сушили на поверхности. Одновременно отражали нападения хищников и мутантов. Потом тюки с сухим льном спускали в подземку, грузили на велодрезины и везли в Центр. Лен-сырец продавался за цену, не сопоставимую с вложенным в его выращивание и уборку трудом.

В мастерских Центра лен, обрабатывая специальными растворами, дезактивировали, потом снова сушили, делали из него пряжу и ткани. Ткань, а то и готовую одежду, продавали. Но на их покупку у производителей льна едва хватало денег. Скрипя зубами от такой несправедливости, восточенцы ничего не могли поделать. Только в Центре находились мастерские по дезактивации льна, только они владели соответствующими технологиями, а значит и полной монополией на производство пряжи и тканей. Центровики категорически отказывались сдавать в аренду дезактивационные мастерские. Делегации восточенцев умоляли заменить цепочку купле-продаж на подряд по дезактивации льна-сырца, но центровики не шли не на какие уступки, захватив полностью весь производственный цикл от момента дезактивации до производства готовой ткани и одежды. Работая в безопасных мастерских, они получали сверхприбыли, в отличие от восточенцев, гробивших свое здоровье и едва сводивших концы с концами. Вопрос ограничения монополии по обработке льна не раз подымался депутатами Восточного сектора на заседаниях Собрания. Но они оказывались в меньшинстве – к голосам депутатов Центра добавлялись голоса парламентариев из других секторов, которые не производили льна: этот спор непосредственно их не касался, и поэтому они поддерживали влиятельный Центральный сектор.

Вера помнила, что у нее дома было как минимум три смены одежды, изготовленной из льна и кожи. Вся одежда была окрашена в разные цвета и украшена вышивкой и нашивками из обрезков кожи, разноцветных тканевых лоскутков. Почти все жители Академии Наук ходили во всем сером изо льна и серо-коричневом из кожи. И лица у них были такими же серыми. Вера внимательно всматривалась и не видела в глазах этих людей даже тени упрямой жизнерадостности мегабанковцев или равновесного покоя диггеров.

Следующие станции – Площадь Якуба Коласа и Площадь Победы – оказались богаче и приветливее на вид. Сказывалась близость к Центру. Жителей здесь было раза в два больше, одеты они были лучше.

Люди в тесных проходах станций почтительно расступались перед следователем. А на Веру смотрели как-то странно. Сначала она думала, что они с любопытством рассматривают ее экипировку. Но потом заметила, что глаза многих мужчин застревают на одном месте – на

уровне ее груди. Причем у некоторых на лице появляется противная слащавая мина. Она даже несколько раз опустила голову, ища несуществующее грязное пятно или насекомое. Но там ничего такого не было: все чисто, обычная грудь, обычные соски... Грудь! Вера только сейчас обратила внимание на то, что ни одна из республиканок не ходила с обнаженной грудью. Порывшись в детских воспоминаниях, она не вспомнила, чтобы так ходила хотя бы одна женщина МегаБанка. Это же относилось и к тем женщинам, которых она встречала в переходах за время своего диггерства. Неужели ходить раздетым – это какое-то табу республиканцев? Вера, подытожив свои мысли, пожала плечами.

Она не замечала, что мужики почти всех возрастов после прохода Веры останавливаются и, не обращая внимания на раздраженные понукания жен и подруг, пристально смотрят вслед юной амазонке с некрасивым лицом, но таким грациозно-стройным и сильным телом, прикрытым лишь кожаной юбкой, обрезанной чуть ниже ягодиц.

3

За Площадью Победы метрошные туннели преграждала бетонно-водяная заслонка – неудачное ограждение от нашествия ленточников. Недалеко от тупика груз с велодрезин перегружался на небольшие тележки. Вереницы тележек по неметрошным переходам, названным Обходным Путем, огибали заслонку и выходили в туннель с другой стороны. Там грузы с тележек перегружали на другие велодрезины, которые шли в Центр. Обеспечением обхода заслонки постоянно занималось полтора десятка человек – грузчики, бурлаки и охранники в одном лице. Место здесь было опасное – дикие диггеры то и дело взламывали решетки между Обходным Путем и другими коммуникациями и нападали на караваны, уязвимые в тесноте и темноте подземных переходов. Даже следователь не стал рисковать и дождался очередного каравана. Они без происшествий обошли заслонку и вскоре оказались на Октябрьской.

Вера увидела почти воплощение своих сказочных представлений о великолепии станций. После убожества Академии Наук и Площади Победы Октябрьская встретила их аккуратным геометрическим построением жилищ, безвкусной, но яркой и броской раскраской высокого сводчатого потолка и стен строений. Удивительные колонны здесь не прятались за рядами жилищ, а как бы нарочно были оставлены на виду. Задрвав голову, Вера смотрела на сказочное величие их чистого мрамора, заканчивающегося утолщениями давно не работающих светильников.

По одежде местных республиканцев было заметно, что отмена уровней значимости не сделала их равными. Ссутулившись и потупив взгляд, по проходу между квартирами слонялись нищие в обносках. Куда-то спешили рабочие в однотипных комбинезонах. Уверенно отмеряли шаги военные и служащие в униформах. Презрительно-надменно взирали буржуа в великолепных просторных комбинезонах и платьях. Но, завидев следователя, новые муосовцы поспешно меняли мину на своем лице на почтительно-любезную, подобострастно отвешивали микроклон и отступали в сторону, уступая дорогу служителю Фемиды и его странной спутнице.

Еще фантастичней выглядела Площадь Независимости. Поражала сама бесколонная постройка станции со вспарушенным сводом недавно побеленного потолка, торцы которого спрятаны за выступающие карнизы. Здесь постройки на платформе и над путями были выстроены идеально ровно, геометрически правильно окрашены в строгие черные, белые и красные тона.

Вера не успела осмотреть станцию, свернув за следователем в узкий проход, жерло которого было выдолблено прямо в стене станции. Пройдя метров двести по каким-то ходам, разминувшись с тремя дозорами, они оказались в бункере. При входе в торцевое помещение бункера Вера мельком прочитала трафаретную синюю надпись на двери: «Командующий Сил Безопасности Республики генерал Дайнеко Павел Павлович». Следователь знаком указал Вере оставаться в приемной, обменялся несколькими словами с сидевшим здесь офицер-адъютантом и вошел в дверь. Оторвавшись от вороха бумаг на своем столе, офицер-адъютант удивленно пялился на ее грудь.

Дверь открылась, и следователь знаком показал Вере входить. Пока она заходила, Командующий доброжелательно продолжал разговор со следователем, начатый еще до появления Веры:

– Неужели тебя наконец-то устроил какой-то кандидат? Давай, показывай это чудо природы...

Генерал запнулся, увидев вошедшую Веру. С открытым ртом, не дыша, он смотрел на Веру с полминуты, а потом выдохнул:

– Это шо?

Он употребил не «кто» и даже не «что», а именно «шо», вложив в это определение максимум презрения. Оправившись от первого шока, Командующий продолжал:

– Третий следователь, это вы пошутили так? Скажите, что «пошутили», – вам даже такие шутки прощаются. Поржем вдвоем вдоволь.

Рот генерала Дайнеко начал было растягиваться в улыбке. Но следователь даже не поменялся в лице, и улыбка Командующего скукожилась.

– Ладно, промазал. Согласен, вы скорее мертвыми шутить будете, чем живыми. А может у вас профессиональная деградация?! Перенапряглись, перенервничали. Неудивительно, лет десять без отдыха. Так это ничего – я начсоту поручу дать тебе пару дней отдыха...

– Генерал, отдых мне не нужен. Я еще раз докладываю: мною подобран кандидат в спецназ с перспективой выдвижения на должность следователя. Я требую, чтобы ее допустили к испытаниям.

– Лучший следователь Республики притащил поступать в Ударный Батальон Республики голую девку. Ты Силы Безопасности на смех выставить хочешь? Да над нами весь Муос ржать будет. Уводи ее на хер, гони туда, откуда привел, и давай забудем эту глупую историю.

Генерал махнул рукой, нервно схватил со стола первую попавшуюся бумажку и уставился в нее, сделав вид, что он читает, показав тем самым, что аудиенция закончена. Следователь спокойным официальным тоном продекламировал:

– В соответствии с Положением о Силах Безопасности Республики, в спецназ может поступить любой гражданин Республики, рекомендованный любым действующим или отставным офицером Сил Безопасности, прошедший вступительное испытание. В Положении нет ограничений по полу и возрасту кандидатов. Генерал, в приемной я оставляю письменный рапорт о подборе кандидата в Ударный Батальон. Разрешите идти?

Генерал медленно поднял свое бычье лицо с налитыми кровью глазами:

– Ну, знаете, следователь! По-моему, у вас на почве успехов мания величия разыгралась. Я вас предупреждаю: никакой поблажки при приеме в УБР этой пигалицы не будет – я сам об этом позабочусь. Если ее убьют на испытаниях – эта смерть будет на вашей совести. Даст бог – оставят калекой, и она до конца дней своих будет вам за это благодарна. Ступайте и заберите ЭТО с собой, но послушайте добрый совет: отправьте ее домой.

Следователь по-военному развернулся и вышел. За ним вышло «это».

Когда они шли по коридору прочь от штабного бункера, следователь задал один вопрос:

– Не передумала?

Вера сразу же ответила:

– Нет.

Следователь кивнул. Подумав, Вера спросила:

– Что такое спецназ?

– По ходу узнаешь.

– Я хотела стать следователем.

– Всеу свое время, – ответил следователь и ускорил шаг, дав понять, что разговор окончен.

4

После Великого Боя и образования Республики новые власти задумались о создании единых Сил Безопасности, действующих на постоянной основе. Численность, структура и функции СБ были причиной долгих споров. В конце концов, порешили сформировать Армию из трехсот военных, отряд специального назначения, названный Ударным Батальоном Республики (командир, десять офицеров и сорок солдат), и Следственный Отдел из девяти следователей и начальника, которого называли начсотом. Кроме того, в структуру Сил Безопасности входили Штаб и Академия Сил Безопасности. Армия осуществляла охрану важных объектов, обеспечивала стационарное дежурство в наиболее опасных дозорах, конвоировала обозы с товарами, осуществляла масштабные военные операции. Ударный Батальон Республики или, проще говоря, спецназ, задействовался на наиболее трудновыполнимые и важные военные операции, во время военных действий осуществлял поддержку армии на самых сложных направлениях, осуществлял боевое сопровождение следователей Республики.

Базой УБРа являлось Урочище – тупиковая ветвь туннеля, до Последней Мировой соединявшая Московскую и Автозаводскую линии метро. Эта ветка имела вспомогательное значение, поэтому построили ее абы как. Нормально туннель не закрепили, отток вод надлежащим образом не обеспечили, и еще до Войны в нем все держалось «на соплях». Тектоническая волна от одного из ядерных взрывов разрушила систему поддержки туннеля, он рухнул. Остались лишь слепые туннельные обрубки, ведущие к пятидесятиметровому завалу. Именно поэтому последний Президент Республики Беларусь вынужден был строить Большой Проход, переоборудовав пешеходный переход между Октябрьской и Купаловской в снабженный рельсами туннель. Зато теперь образовавшийся тупик стал отличным местом для дислокации базы спецназовцев или, как их теперь называли, уборов. Достаточно широкий и длинный для тренировок, расположенный близко к станции Октябрьская – одному из поселений метрополии Республики, стоящей к тому же на перекрестке двух линий. И в стороне от постороннего взгляда – чужие сюда не забредали, их отгонял постоянный заслон из сменяющихся уборов на входе в тупик. Телефонная линия обеспечивала постоянную связь Урочища со Штабом и руководством Республики.

По мере поступления заданий уборы группами уходили из Урочища. Работы у них было много, и редко какому солдату или офицеру Ударного Батальона удавалось побыть в Урочище больше недели. У самого тупика весь цилиндр туннеля был переоборудован под жилье и служебные помещения. Здесь располагались казарма для одиноких уборов, общежитие с маленькими комнатками для семейных, оружейная комната и кабинет командира спецназа. Вся постройка называлась корпусом. Прямо в туннеле находились кухня и столовая, учебный класс, тренажеры, мишени для стрельбы, полоса препятствий.

Между заданиями с самого утра до самого вечера офицеры и солдаты УБРа обязаны были тренироваться: рукопашному бою без оружия, мечному бою, метанию ножей, стрельбе из арбалетов, тренировать силу и выносливость, изучать настоящих и перспективных врагов из числа людей и нелюдей, получать сталкерские навыки. Бешеного ритма службы многие новички не выдерживали. Таких переводили в армию, где служба была полегче. Но недостатка в кандидатах Урочище никогда не испытывало. Многих манила перспектива стать на полное государственное довольствие и при этом получать денежную зарплату. Тяжкий труд уборов был не замечен штатским. Они видели только сильных подтянутых мужчин в красивой форме, на которых тайком или в открытую, глотая слюну, пялились республиканки всех возрастов: от безгрудых девчонок до многодетных вдов.

На форму и экипировку спецназа Республика не жалела средств: спецназовец только своим видом должен был внушать уважение и веру в силу Республики. Широкие, удобно

покроенные, темно-серые камуфляжи уборов не только делали шире и без того крепко сложенных мужчин. Расцветка одежды спецназовцев максимально скрывала их в темноте – на фоне серых туннельных стен и подземных ходов. На ногах – прочные и вместе с тем мягкие кожаные сапоги с завязками, в которые заправлялись брюки. На голове – камуфлированная бандана или каска, обтянутая таким же материалом. За спиной – ножны с мечом, арбалет и колчан с десятком стрел. На кожаном поясе – наручники и несколько метательных ножей. Лицо обычно разрисовано маскировочно-боевым орнаментом из сажи. Фермеры, рабочие и служащие кусали губы, глядя на этих молодцев и сравнивая свою унылую и беспросветную жизнь с яркой и интересной жизнью воина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.